

СИБИРИАДА

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

КРЕЩЕННЫЕ
КРОВЬЮ

Александр Владимирович Чиненков

Крещенные кровью

Серия «Сибиряда»

Текст предоставлен издательством

Крещенные кровью : роман / Александр Чиненков.: Вече; Москва; 2013

ISBN 978-5-4444-0984-8

Аннотация

Полыхает Гражданская война. Молодой оренбургский казак Аверьян Калачёв, служивший санитаром в войске атамана Дутова, получает тяжёлое ранение. Его спасает и выхаживает Иван Сафронов, бывший купец, а ныне – глава секты скопцов. Благодарный Аверьян верит всему, что говорит Сафронов, и постепенно становится его верным соратником. У Ивана на нового адепта секты большие виды, и в какой-то момент Сафронов вынужден посвятить Калачёва в тайну скопческой казны, которую хранил долгие годы. Но эта же тайна, спустя годы, принесла Аверьяну и его родне лишь смерть и страдания...

Содержание

Часть первая. Секта	5
1	5
2	22
3	47
4	66
5	88
6	108
7	123
8	133
9	163
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Александр Чиненков

Крещенные кровью

©Чиненков А.В., 2013

©ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая. Секта

1

Гражданская война свирепствовала в Оренбургском крае. Красные теснили белых, а те, цепляясь за каждую станицу, за каждый хутор, отступали. Неразбериха и хаос царили повсюду. Где красные, где белые, никто не знал. Везде грохотали взрывы снарядов, строчили пулеметы, звенели сабли. Вдоль дорог, по обочинам были разбросаны взорванные повозки и замерзшие трупы лошадей.

Госпитальный обоз артиллерия накрыла в тот момент, когда он миновал станицу Верхне-Озерная.

Тяжело раненный осколком в пах Аверьян Калачев открыл глаза и попытался выбраться из-под обломков телеги. В этот момент земля рядом с ним вздрогнула. Все сразу же перевернулось с ног на голову. Аверьяна подбросило вверх и швырнуло обратно на землю. Все померкло.

Сколько времени провел без сознания, Калачев не знал. Когда он открыл глаза, то увидел полосу багрового заката вдоль горизонта. Кругом – пугающая мертвая тишина, только в ушах непонятный звон.

Аверьян попробовал пошевелиться. Во всем теле слабость, ноющая боль внизу живота, голова тяжелая. Что с ним

случилось? Почему он лежит в этом ужасном месте? Беспмятство снова сняло все вопросы.

Очнулся раненый уже в телеге, на ворохе сена. Едва ворочая головой, осмотрелся. Увидел впереди себя широкую спину в тулупе и насторожился. Хотел спросить у человека, управляющего лошадей, кто тот таков и куда его везет, но вместо слов из груди вырвался тяжелый продолжительный стон.

– А-а-а, очухался, друг сердешный, – обернулся возница. – Небось обспросить хотишь, кто я да куда едем?

Еле заметным шевелением Калачев дал понять, что да, хотел бы.

– Ивашка я, Сафронов, – охотно ответил мужичок, обращившись и устраиваясь поудобнее. – Живу тожа недалече отсель, в Гирьяльской станице, значит. Щас вот к себе тя везу, ежели довезу токо вот...

Аверьян закрыл глаза и опять провалился в небытие.

Когда он пришел в себя и, не поднимая головы, осмотрелся, то увидел несколько человек на полу. Кто это, красные или белые, распознать было невозможно. Одно ясно: все тяжело ранены и находятся между жизнью и смертью.

Калачев еще долго лежал неподвижно, уставившись отсутствующим взглядом в сторону окна, через которое яркие солнечные лучи проникали в горницу. Затем осторожно снова посмотрел на раненых.

Сердце его дрогнуло: люди не подавали признаков жизни.

Лица их были бледны, глаза закрыты, губы не шевелились. Таких вот бедолаг не раз он выносил на себе с поля боя. Живы те или нет, приходилось определять уже потом, в тылу, у обоза. Смертельно раненные, они не кричали, не ругались и не требовали к себе внимания – просто молча ждали конца...

Скрипнула дверь. В избу кто-то вошел, склонился над Аверьяном. Аверьян увидел обросшее, переполненное злобой или страданием лицо и не смог вынести колючего цепкого взгляда – закрыл глаза.

А когда открыл, у его кровати теснились две женщины в черных платках на голове.

– Жив ешо?! – воскликнул кто-то знакомый.

Раненый узнал голос мужичка, подобравшего его на обочине, попытался ответить, но из горла вырвался лишь хриплый звук.

– Живехонек, – ободрил возница. – Знать выкарабкаешься. На то мое те слово...

В течение нескольких дней, минувших между жизнью и смертью, Ивашка Сафронов и женщины заботливо ухаживали за ним. Благодаря их стараниям у Аверьяна начали восстанавливаться речь, слух и зрение.

А за дверью его пристанища бушевала война. Станица переходила в руки то красных, то белых. И те, и другие навещали избу, но Аверьяна никто не трогал. Сафронов что-то объяснял им, показывая на него – и, понимающе кивая, «го-

сти» мирно удалялись прочь.

Однажды в станицу нагрянул отряд красных. Бойцы вломились в дом, Сафронова увели, но Калачева не тронули. Аверьян больше уж и не надеялся увидеть своего спасителя, хотя женщины, которых Ивашка называл «сестрами», не очень-то обеспокоились отсутствием «братца». И оказались правы: уже к вечеру Сафронов вернулся – хоть и с опухшим от побоев лицом, однако бодрый и веселый.

Нимало не заботясь о своем плачевном состоянии, он присел у кровати Калачева и радостно хмыкнул.

– Ну чаво эдак зыркаешь на меня, Аверьяха? – спросил он. – Чай очам своем не веришь, што живым меня зришь?

– Не верю, – прошептал тот. – Ты хто, обскажи мне наконец?

– Кто я? – Сафронов улыбнулся и посмотрел на «сестер», притихших за столом, словно призывая их в свидетели. – Мы есть белые голуби¹ с корабля Христова, ежели знать хоуишь!

– Голуби? – глаза Аверьяна полезли на лоб. – Ты што, спятил после побоев?

Ивашка, видимо, ожидавший именно такой реакции Калачева, улыбнулся еще шире.

– Раны не беспокоют? – вдруг спросил он, уходя от темы.

– Вроде как нет, – ответил Калачев. – А што, их шибко много?

– Было много, а теперь ни шиша не осталось, – ответил

¹ Самоназвание сектантов.

уклончиво Сафронов. – Тебя сам Хосподь спас, отняв токое-чаво лишнее от тела.

– Лишнее?! – воскликнул Аверьян удивленно. – А што на теле моем лишнее было?

Он посмотрел на руки – вроде на месте. Хотел приподнять голову, чтобы убедиться, на месте ли ноги, но не смог.

– Ноженьки тожа при тебе, – успокоил его Ивашка. – Не сумлевайся.

– Тады об чем ты мелешь? – зашептал Аверьян встревоженно. – Сказывай зараз, што Хосподь отнял у маво тела.

– Об том опосля потолкуем, – ответил Сафронов таинственно. – Ужо скоренько срок подойдет к беседе нашенской задушевной, а покудова не спеши. Всему свое времячко.

* * *

Ивашка Сафронов был высок, широк в плечах, с тонким носом на слегка продолговатом рябом лице. Во взгляде его чувствовались хитреца и лукавство. Густая шапка черных с просестью волос, такие же усы и борода. Было ему под пятьдесят. На Аверьяна он производил почему-то отталкивающее впечатление.

– Скоко времени ты лежишь на спине, горюшко луковое? – осведомился как-то хозяин, присаживаясь около Калачева.

– С тово дня, када ты меня сюды привез, – ответил под-

опечный, морщась. – И хожу под себя срамно, и...

– А вот вставать и ходить тебе покудова рано, – перебил бесцеремонно Сафронов. – Постельку под тобою перестилают, вот и не горюй понапрасну. – Он приподнял одеяло и осторожно коснулся рукой раненого паха Аверьяна. – Вот и рана подживает, хвала Хосподу. Ешо маненько, и как новенький станешь!

– Я ужю спины не чую, – посетовал больной. – Об том токо и мечтаю, штоб хоть маненько на боку полежать.

– А хто тебе не велит на бок перевалиться? – удивился или только сделал вид Ивашка. – Как хошь, так и дрыхни, ежели раны не беспокоют.

– Раны-то не беспокоют, да вот силов нету. Ужо и не ведаю – жив ли ешо я, али нет.

– Не спеши помирать. Мы ешо с тобой...

Сафронов не договорил фразы, видимо, посчитав ее преждевременной. Он встал с табурета, вышел на крыльцо и громко кликнул женщин.

Аверьян оживился, этой минуты он всегда ожидал с нетерпением. Его мечты повернуться на бок сейчас сбудутся! Как только Ивашка с «монашками» вернулись в избу, лоб Калачева покрылся испариной. Сам он вдруг оробел, не решаясь шевельнуть ни рукой, ни ногой.

– Ну-ка, голубок, давай потихоньку, – сказал Сафронов и с помощью «сестер» начал осторожно помогать раненому.

Аверьян, переборов слабость, медленно перевалился на

левый бок и даже вымученно улыбнулся.

Ивашка снова уселся на табурет и вздохнул с облегчением:

– Вот и все. Делов-то...

Сафронов еще некоторое время задавал Калачеву самые разнообразные и неожиданные по своей простоте вопросы. Тот отвечал рассеянно и невпопад, наслаждаясь, что наконец-то сменил гнетущую его позу.

– А ты как на обочине дороги оказался? – допытывался «лекарь».

– В обозе госпитальном ехал, – отвечал Аверьян.

– Ты уже был ранен?

– Нет, я служил санитаром при госпитале.

– Так ты красный?

– Нет.

– Белый?

– Я казак! Можя, слышал о таких? А служил в армии Ляксандра Ильича Дутова!

– Все понятно. Благодарю судьбину, казак, што служба для тебя уже закончилась.

Как только Ивашка замолчал и ненадолго задумался, Калачев сам принялся донимать его.

– А хто вы? – спрашивал он.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – уклончиво отзывался Сафронов.

– Видать, нездешние? Скоко гощу, а соседи так и не захо-

дят...

– Потому и не заходят, што я не велю.

– Тады сами куды ночами шляетесь?

– И об том обскажу, но тока малеха позже. Покудова на ноги не встанешь. Вот тады и покалякаем всласть!

* * *

Минула неделя.

Как-то около восьми часов вечера Ивашка подошел к кровати Калачева и раздвинул занавески вокруг нее. Аверьян дремал. Сафронов присел у его изголовья и чуток подался вперед, разглядывая раненого.

Видимо, почувствовав рядом с собой присутствие другого человека, Калачев открыл глаза. Удивленным взглядом он медленно обвел избу, словно возвращаясь в нее после долгого отсутствия. Ивашка молчал, давая ему время осмотреться и встряхнуться ото сна.

– Избу щас свою зрил, – прошептал Аверьян. – Жану Стешу тожа зрил зараз. Детишек-сорванцов... Двое их у меня. Старшой Степка, малой Вася-Василек. Я было об них позабыл ужо из-за ран, а теперя... Теперя, видать, выздоравливаю я, не выходит из башки вона жинка с робятами. – Улыбнулся уже не так жалко, как раньше. – Как оне щас без меня? Поди горюшко мыкают. Обо мне ни слуху ни духу. Вот кады на ноги встану, зараз домой подамся. Истосковался я

по семье, однако.

Сафронов, хмуря брови, подметил, что голос раненого заметно окреп.

– У тебя что, жана красавица и хозяйство справное? – спросил он, хитро щурясь.

Почувствовав неладное, Калачев умолк. Затем попытался что-то сказать, но слова не шли к нему. Он внимательно взгляделся в лицо Ивашки: борода всклокочена, лицо бледно и напряженно. Ивашка больше не был улыбающимся и спокойным. Гость невольно придвинулся к стене, словно колючие глазки хозяина проникли в самую душу. «Не ври мне!» – прозвучал где-то в голове приказ Сафронова, но Аверьян готов был поклясться, что не видел, как у того шевелились губы.

Калачев зажмурился. Противоречивые чувства боролись в нем – он боялся признать сильнейший страх от одного вида благодетеля рядом с собой.

Открыв глаза, Аверьяну пришлось закусить губу, чтобы не вскрикнуть. В какой-то момент показалось, будто не Ивашка, а кто-то другой смотрит на него, вылезший из глубин ада: горящие очи с колючими иглами зрачков. Какой-то демон, наблюдающий за ним – Аверьян знал это в глубине души точно, – с ненавистью зверя внутри.

– Ивашка?!

Глаза зверя моргнули, а лицо вдруг приняло человеческие очертания.

«Сестры» тут же оказались рядом и принялись менять под Аверьяном постель. Свою работу они выполняли сноровисто, не причиняя раненому никаких страданий и поворачивая его тело как большую тряпичную куклу, Он вдруг понял в этот момент, что научился наконец их различать.

Агафья русоволосая и тонкобровая, с тонкими губами, лет тридцати. Губы всегда плотно сжаты, словно в страхе, как бы невольно не сорвалось с языка что-то неразумное, роковое и непоправимое. А глаза широко открыты, ищущие, беспокойные. Говорила она торопливо, глотая слова.

В отличие от Агафьи Акулина черноволоса и смугла. Правильный овал лица, ровные, в ниточку брови. Нос прямой, без горбинки, тонкий и изящный. Она была невероятно красива. Впрочем, этого достоинства женщина, видимо, стыдилась или не догадывалась про него.

Пока Агафья выносила корзину с грязным бельем в сени, Акулина поднесла к постели раненого вареное яйцо, кусочек хлеба и чашку с ароматным отваром. Накормив Аверьяна, она молча отошла к столу и посмотрела на наблюдавшего за ней Ивашку.

– Ну што, радеть айдате, – позвал тот, вставая и потягиваясь. – Поди ужо заждалися нас голуби с корабля нашева.

Хозяева погасили лампу и друг за другом вышли из избы, а Калачев...

Все, чего хотелось ему сейчас, так это закрыть глаза и уйти в небытие. Но как только в избе воцарился мрак, Аверьян

внезапно почувствовал прикосновение. Он вздрогнул и завертел головой. Изба пуста. Мужчина мог поклясться, что рядом никого нет. Однако нервы его оказались на пределе. Подрагивали собственные руки, а на шее чувствовались чьи-то пальцы. Сердце бешено забилося. Лежа, казак заставил себя думать о семье и детях: наверное, спать улеглись или ужинают чем бог послал.

Неожиданно касание повторилось. На этот раз Аверьян отчетливо ощутил чьи-то пальцы на плече, как будто к нему из темноты некто невидимый протягивал руку.

– Это сон, – прошептал он. – Я сплю ужю и зрю дурной сон.

Но сон больше походил на страшную явь. Пальцы из темноты перестали давить на плечо и переместились на горло, сжав кадык, будто собирались вырвать его. Не в силах противостоять, Аверьян закрыл глаза, приготовившись было к смерти. Но пальцы вдруг отцепились от горла – и облегченно вздохнув, мужчина открыл глаза.

То, что он увидел, повергло его в ужас. Кровь в жилах похолодела, сердце замерло. Перед кроватью прыгали странные фигуры, светившиеся во мраке сатанинским огнем и не имевшие четких очертаний.

Затем пляска закончилась, нечисть исчезла, и больной погружился в тяжелый сон, полный кошмарных видений...

Наступившее утро не добавило оптимизма настроению Калачева. Проснувшись, Аверьян с трудом разлепил глаза и увидел пробивающиеся через окно солнечные лучи. Он не испытал от этого радости. В теле гудела свинцовая тяжесть, а сам он чувствовал себя половой тряпкой, выжатой и брошенной в ведро.

Когда хозяева вернулись в избу, Аверьян не заметил. Но сейчас их троица уже была на ногах и лица её казались бодры.

– Как спалось? – спросил его Сафронов участливо. – Не мучали кошмары?

– Плохо, – ответил Аверьян, морща лоб. – Мне привиделось, што меня хто-то душит и ломает!

– Да, – согласился Ивашка. – Эдакий сон беду сулит. Тебе бы исповедоваться!.

– Я бы рад-радешынек, токо вот попа нету рядышком, – прошептал озадаченно Аверьян. – Не сочти за труд, приведи ко мне батюшку.

Услышав безобидную просьбу, Сафронов аж подскочил на табурете.

– Ишь чаво захотел! – крикнул он возмущенно. – Попа, видишь ли, ему подавай! А нету ево здесь! Тю-тю! Революция пришла, и попа гирьяльскова зараз ветром сдуло!

Такая неожиданная реакция крайне удивила Калачева.

– А ты-то пошто эдак взбеленился? – спросил он, недоуменно глядя на Ивашку.

– Не приемлю я веры поповской, – ошарашил неслыханным ответом тот. – Православная вера никудышная и поганая! Даже Хосподь вона отверг ее действиями своими, настав на грешные головы православных войну да разруху!

Аверьян не поверил ушам. Такой ереси и богохульства ему еще не доводилось слышать никогда.

– Так ты большевик?! – прошептал он. – Краснопузый хриstopродавец?

Сафронов неожиданно рассмеялся.

– Ну и загнул, Аверьяха! – воскликнул он. – Уж с кем с кем, но с большевиками мя ешо не путали! Даже сатанистом я никогда не был. Уж не взыщи!

– Тады хто ты есть такой, ежели не большевик и Сатане не поклоняешься, а Хоспода ни в грош не ставишь? – спросил Калачев.

– Верующий я, вот хто есть такой, – перестав смеяться, ответил Ивашка. – И вера моя што ни на есть правильная!

– Фу-у-у, – облегченно вздохнул Аверьян. – Дык ты раскольник – кулугур! Как же я энто зараз сам не догадался?

– И сызнава обмишулился, башка верблюжья, – сказал Сафронов, вставая. – Я вот...

Он задрал рубаху, расстегнул пояс и с ухмылкой выставил на обозрение свою спину, наблюдая, как бледнеет и вытяги-

вається лице раненого.

– О, Хосподи, да ты хлыст! – прошептал потрясенно Аверьян, увидев на спине Ивашки рубцы от самобичевания. – Ты... ты...

Сафронов опустил рубаху, не спеша подпоясался и сел.

– Теперя и ты эдакий, как и я, Аверьяша, – сказал он с ядовитой улыбочкой. – Добро пожаловать на наш корабль, голубок сизокрылый!

Калачев был настолько поражен услышанным, что почувствовал дурноту. Его едва не вырвало прямо на одеяло.

– Т-ты ш-што, с-скопец, и м-меня о-оскопил, сука б-болотная?! – прошептал он одними губами. – Ты п-посмел и м-меня с-себе у-уподобить, д-душа в-вражья?!

Ни один мускул не дрогнул на каменном лице Ивашки.

– Энто не я оскопил, – сказал он, сверкая яростно глазами. – Энто судьба тебя эдак отметила! На роду, знать, эдак написано было, что снарядный осколок не убьет, а оскопит, отсека детородные уды!

– Дык энто...

Аверьян впал в отчаяние. Он не верил, что все происходящее – не дурной сон. Его бросало то в жар, то в холод, а руки тянулись к промежности: все ли там в порядке.

– Не ишши. Оскопленный ты, – Сафронов взял его ладонь. – Милости просим на корабль наш, голубь. Таперя зараз сообча идтить будем и в горе, и в радости!

– Хосподи! Прочь от меня, аспид кастрированный! – разь-

ярился Аверьян. – Не верю я, што осколок «хозяйства» детороднова мя лишил! Ты энто... паскудник, руку свою приложил и калекой меня сделал!

– Оскопление не есть грех, – ответил Ивашка с кислой миной. – Свальный грех и иное плотское сожительство – вот што грехом смертным зовется! Спасти душу зараз можно токо борьбой с похотливой плотью – оскоплением! А тебе вот судьба эдакий путь к Хосподу указала!

– Какой ешо путь, гад ползучий, – прошептал, заливаясь слезами, Аверьян. – Таперя кому нужон я, калека разэдакий?

– Не калека ты, не сетуй понапрасну, – покачал осуждающе головой Сафронов. – Ты таперя сыт и богат будешь! А жана с детишками... Да ежели захотишь, мы и их к себе обустроим. Оне щас поди с голодухи пухнут, а с нами в рай – и земной, и небесный – попадут и што такое нужда позабудут!

– Ну уж нет, токо не энто! – прошептал возбужденно Аверьян. – Ступай прочь с глаз моих, паскудник, а не то...

Вырвавшиеся из груди рыдания помешали закончить фразу. Он закрыл лицо ладонями, издав стон, полный такого отчаяния, безысходности и боли, что Ивашка как ужаленный подскочил и, что-то шепча себе под нос, попятился к двери.

* * *

Весь день до вечера Аверьян провел в кровати, накрывшись с головой одеялом, отказавшись от пищи и замены бе-

ля. В голове царили хаос и боль. Ему хотелось умереть, он молил Бога, но тот оказался глух.

И тогда мужчина решился на отчаянный шаг. Смастерить петлю оказалось нетрудно: пока Сафронов с «сестрами» отсутствовал, Аверьян рвал простынь на лоскуты и плел из них веревку.

Закрепив один конец веревки за спинку кровати, бедолага просунул в петлю голову. Затем попросил у Бога прощения за грех, что собирался совершить, и повалился с кровати на пол.

Как только удавка затянулась... страх пронзил мозг. Руки ухватились за петлю и стали рвать ее, не давая сомкнуться, а тело стало извиваться змеею. Боли Аверьян не чувствовал. Он просто содрогался от ужаса, от неспособности контролировать себя, от запаха экскрементов, вышедших из тела без позволения. Ноги дергались и ерзали по полу в поисках опоры, а пальцы все пытались расслабить удавку.

Веревка оказалась крепкой. Аверьян терял остатки сил. В голове нарастал шум, а перед глазами появилась яркая радуга.

Внезапно свет померк. Все чувства, включая и страх, улетучились. Темнота переросла в плотный мрак. «Вот и все! – подумал казак. – Хосподи, как все просто!» Но вдруг чьи-то руки подхватили его с пола и бросили на кровать. Те же руки сняли с него петлю.

Вокруг снова стали проступать очертания избы. Из груди

Калачева вырвался кашель.

– Жив што ль, голубь сизокрылый? – послышался знакомый голос.

Больной помотал головой. Но голос прозвучал снова, и глаза Калачева наткнулись на встревоженное лицо Ивашки. Аверьян вдруг понял, что на всю оставшуюся жизнь попал под влияние этого страшного человека.

– Как знал, што ты чаво-нибудь отчубучишь, – сказал Ивашка. – Прямо сердцем беду чуял...

2

По обеим сторонам улицы выросли сугробы – снег всю неделю валил не переставая. Сегодня заметно потеплело, и в высоте, пронизанной солнцем, реяли легкие, словно пух, снежинки. Медленно покачиваясь, они опускались на голову и плечи Калачева.

Поддерживаемый «сестрами», Аверьян впервые вышел из избы, спустился с крыльца. У него вдруг стеснило дыхание – пришлось прислониться плечом к плетню. Глядя на улицу, он чувствовал, как сильно бьется и замирает в груди сердце. На глаза навернулись слезы, но уже не от горя и тоски.

– Какое нынче число? – спросил Аверьян у «сестер», продолжая неотрывно смотреть на парящие в воздухе белые хлопья.

– Двадцатый годок уже стукнул, – ответила тихо Акулина. – И Пасха минула, и Святки тожа.

– Об том и сам ведаю, – угрюмо пробубнил Калачев. – Хочу знать, какое нынче число.

Агафья и Акулина промолчали, да он и не настаивал на ответе.

Его душевное равновесие все еще не устоялось, в душе надолго поселился безотчетный страх. Как зверь беду, Аверьян чуял в глубине себя что-то неладное, и, охваченный тревогой, готов был бежать куда глаза глядят, чтобы затаиться в

какой-нибудь норе. День и ночь он не переставал думать о своем убожестве. Не раз пытался представить свою будущую жизнь, но так и не смог, сознавая, что возврата к привычному у него нет. Жена, дети... А были ли они вообще?

После долгих гнетущих раздумий Аверьян решил: нужно взять себя в руки и смириться с судьбой. Прежде всего следовало изменить свое неприязненное отношение к Ивашке: Сафронов человек не простой – не мелочен, но мстителен, любит властвовать, тверд и принципиален.

Когда Ивашка и «сестры» уходили по вечерам «в гости», их подопечный чувствовал себя гораздо спокойнее. При их возвращении в душу его снова заползал страх – и остаток ночи проходил в тревоге.

Хозяин разговаривал во сне: выкрикивал то ли молитвы, то ли заклинания. Покой Аверьяна тогда и вовсе пропадал, а ночь делалась длинной, без конца и края. Казак ворочался с боку на бок в каком-то забытии, засыпая лишь к утру.

Снился ему опять же Ивашка, стоявший у кровати в окровавленной рубахе: рукава закатаны выше локтей, в руке нож. Калачев испуганно вскрикивал, прижимался к стене, а Сафронов сдергивал с него одеяло и подносил лезвие ножа к его детородному органу...

...Стол уже накрыли к обеду – чугунок с супом, несколько вареных картофелин и свекла. Сидевший напротив Сафронов придирчиво осмотрел блюда, вздохнул и тяжело оперся локтями о поверхность стола. Затем, вытянув голову, еще раз

взглянул на приготовленную пищу, взял ложку и, ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил:

– Пора отсель в город подаваться. От эдакой жрачки зараз скоро ноги протянем.

Ивашка был не в духе. Сегодня с утра он беседовал с казаками станицы, и те предложили ему убраться вон по-доброму-поздорову. Уразумев, что спорить со станичниками неблагоприятно, Сафронов поспешил домой, точно пострадавший безвинно. В сердце его зародился панический ужас, лицо покраснелось от безысходной ярости. Однако изменить что-либо не представлялось возможным.

«Поповские прихвостни», – вспомнил утро Сафронов, угрюмо жуя, не чувствуя вкуса. Он мысленно клял свою горькую судьбину и наказ станичников, который вынужден был исполнить, затем поднял тяжелый взгляд на Калачева, вяло мусолившего корку хлеба.

– Ты, – выкрикнул Ивашка, едва не задохнувшись от ярости. – Ты пошто аппетит мне портишь, варнак? Жри, как все мы, али из-за стола вон проваливай!

– Не нравлюся – не гляди, – спокойно ответил Аверьян. – Сам меня сюды приволок. Так вот таперя терпи за- всегда с собою рядышком. Я ужо никуда с «посудины» вашенской без елды и яиц.

– Гляжу, поумнел ты, – натянуто улыбнулся Ивашка. – Што ж, нынче в нашей избе радеть будем! Коли своим себя ужо считаешь, знать и к радениям приобчаться время при-

ШЛО.

* * *

Вечером пожаловали четверо мужчин и две женщины. Аверьян угрюмо наблюдал за ними, не вставая с кровати.

Одна из вошедших скромно присела с отчужденным видом на табурет у окна. Вторая – худенькая, средних лет, осталась стоять у двери, будто дожидаясь приглашения.

Мужики сняли верхнюю одежду и опустились на лавку около печи. Самый старший из них – Стахей Губанов, седой как лунь, с безобразным шрамом на щеке – опустил голову, словно уйдя в свои тайные мысли. Слева от него привалился Савва Ржанухин – носатый, с обвисшим жирным подбородком и большим животом. Справа – Авдей Сучков. С виду Авдей был приятен: волосы совершенно седые, но лицо еще свежее, взгляд ясный, как у юноши. Четвертый, Тархей Прохоров, низенький, полный, сразу же прошел к столу, не дожидаясь приглашения, и занял табурет, чуть склонив набок лысую голову. Он смотрел на Аверьяна дружелюбно и даже сочувственно.

Усевшись за стол, Сафронов счел необходимым рассказать о встрече с казаками. Все, конечно, сразу же встревожились. Внешне Ивашка держался спокойно, но голос его дрожал, выдавая глубину несчастья. Никто не утешал хозяина, но все молча разделяли общее горе.

– Да-а-а, нелехкая нынче у нас жизньяка, – изрек Стахей Губанов, когда Сафронов замолчал. – Путь наш теперя везде усыпан одними колючками.

– Но ништо силком не тянул нас на путь энтот, – покачал головой Тархей Прохоров. – Мы сами ево избрали зараз. Нет для нас теперя дороги в обрат с корабля нашева. И не потому, што мы канатами привязаны к судьбине своей, а потому, што навек теперя все мы вместе и заодно!

Наступила тягостная пауза. Первым ее нарушил Ивашка Сафронов:

– А ведь при Кондратии Селиванове² преподобном, как сказывали, наши голуби припеваючи жили! Много возжелавших было сокрушить душепагубнова змия оскоплением! Ведь Кондратий-то Евангелие назубок изучил и великим словом убеждения владел в свершенстве! А скоко люда богатова к нам оскопляться валом валило. Многие тады возжелали праведной жизни без греха совокупления и Царствия Небеснова!

– И порядок завидный был на корабле нашенском, – продолжил Савва. – Один голубь наследует все, што оставалося от другова, усопшева. Ништо нужды не испытывал. Ништо!

– И все одно наша мука всю жисть тянется, – возразил Авдей Сучков. – Завсегда власти вне закона нас выставляли. И терпеть приходилося как при старой власти, так и при нынешней. Ежели бы мы силы теряли и терпение, то веру бы

² Основатель секты скопцов в XVIII веке, беглый крепостной.

зараз и профукали. Отступниками стали бы. Вот и щас одно нам остается, голуби, – сохранить веру и терпенье! Наше Царство ешо впереди, а покудова не падай духом и невздам не поддавайся!

Скопцы долго сидели в тот вечер, уныло рассуждая о былом величии и о невзгодах «теперяшних». Потом Сафронов, несколько воспрявший от присутствия единоверцев, поднялся из-за стола:

– Што-то засиделися мы нынче, голуби мои! А ну хватит зауспокойную по себе справлять! Пора и раденью время посвятить, а то час начала давно уже миновал!

Все разом поднялись со своих мест. Женщины заперли изнутри двери и задернули занавески, мужчины убрали к стене стол, скамейки и табуретки. Затем скопцы в белых одеяниях сошлись на середину избы и запели. Их сильные чистые голоса слились воедино.

Аверьян, окаменев на кровати, с открытым ртом наблюдал за ритуалом. Голоса становились все сильнее, а лица все торжественнее. Они пели так вдохновенно и величественно, аж дух захватывало от невольного восхищения. Ему никогда в жизни не приходилось слышать ничего подобного, и он был просто потрясен происходящим.

Скопцы взялись за руки. Шаг за шагом их движения стали убыстряться, и вскоре они уже лихо отплясывали по всей избе так, что половицы жалобно скрипели и визжали. С «хождениями в духе», с самобичеванием, глоссолалиями и вы-

крикиваемыми пророчествами сектанты впали в состояние религиозного экстаза. Как безумные, они кружились по избе, размахивая руками. И пели, пели, пели!

Наблюдавший за радением Аверьян не заметил, как сам попал под влияние этого бешеного танца. Вначале он пытался только подпевать, но уже скоро ноги понесли его в центр танцующих, а возбуждение оказалось так велико, что заглушило все остальные чувства. Он стал частицей, вросшей в единое тело слившихся в экстазе сектантов, и был счастлив, словно находился не в казачьей избенке, а парил где-то высоко-высоко над землей, среди облаков, туч и звезд, подбিরаясь все ближе и ближе к ярко сияющему солнцу.

* * *

Калачев сладко потянулся и радостно улыбнулся. С наступлением утра началась новая жизнь. Точно вовсе не существовало никогда его страхов, переживаний и боли. Невероятное ощущение, которое Аверьян испытал во время ночного радения, вобрало в себя все плохое, что с ним когда-либо происходило.

Аверьян чувствовал по отношению к Сафронову, помимо всего прочего, сильнейшее любопытство. В Ивашке, без сомнения, жило зло: он всегда казался беспечным и неунывающим, но источал непонятную, неосязаемую черноту. Скопец вовсе не был таковым, каким хотел казаться.

– С добрым утретом, голубок! – воскликнул хозяин, подходя к кровати. – По рылу твоему довольному зрю, што радение наше пришлось тебе по сердцу!

– Я полон восторга, – ответил Аверьян не лукавя. – Мне почудилось, што сам Хосподь сошел к нам с небес и выплясывал рядышком, громче всех ступая!

– Хосподь не с небес к нам сходит, а завсегда промеж нас, – ответил Ивашка назидательным тоном. – А ежели знать хотишь, то он в меня вселяется во время радения!

– В тебя? – округлил глаза Аверьян. – Да брешешь! Мыслимо ли энто?

– Ешо как мыслимо, – ухмыльнулся самодовольно Сафронов. – Кады сызнава радеть будем, ты полутше пригляди за мною. Вот опосля и обговорим, што глазоньки твое высмотрят.

– Дык я сам себя едва помню после радения! – вскричал Аверьян. – Вот токо очи продрал и, што случилось ночью, никак не вразумляю!

– А ты не пыжься, – улыбнулся Ивашка. – При радениях Хосподь все помыслы наши на себя заворачивает! Энто я верно тебе говорю, ибо Хосподь завсегда во мне в то время!

Они помолчали. Аверьян переваривал услышанное, а Сафронов, видимо, подбирал правильные слова для продолжения беседы.

– Мне благостно было, – сам не ожидая от себя, признался Аверьян. – Я не помню што вы в пляске буровили, но...

– Седня ешо одно таинство исполним, – сказал Сафронов, глядя на Калачева. – Тебе пора с нами сообча жить-поживать, голубь! С нашева корабля два пути: либо с нами, либо... ты потонешь даже в мелкой луже!

Калачев промолчал. Затих и Ивашка. И вот, подумав, Аверьян произнес:

– Слышать-то слышал про секту вашенскую, но помыслить не мог, што зараз промеж вас убогих окажуся.

– О бытие нашенском опосля посудачим, – ответил Сафронов вкрадчиво. – Ты вота определися щас, с нами ты али врозь? Ежели што, то мы и без тебя обойдемся, а вот обойдешься ли ты без нас?

– Нет, наверное, – признался вынужденно Аверьян. – И впрямь теперя кому я эдакий калека убогий нужон буду?

– Ты Хосподу нужон, – заверил его Ивашка, положив доверительно руку на плечо. – А Хосподь Бог – энто я! Не серди меня понапрасну, Аверьяха. Душами зараз сростемся, вовек сообча жить будем!

* * *

Следующим утром Аверьян проснулся встревоженным. Открыв глаза, попытался выяснить причину своей тревоги, набросил на плечи тулуп и вышел на улицу. В избе и вокруг нее не видать никого. Знамо, Ивашка и «сестры» еще не вернулись «из гостей». Но почему топится баня в огороде?

Аверьян подошел к колодцу. Заглянул вниз и увидел далеко в глубине воду. Не понимая, что делает, он заговорил с ней о своих бедах и бросил вниз камешек. Круги на воде быстро рассеялись – а в нем вдруг снова пробудилась невыносимая тяга к самоубийству. Вода в колодце манила к себе, и Калачев решал...

– Сигануть никак собрался? – прозвучал сзади голос Сафронова, заставивший сжаться и отскочить от сруба.

– Да нет, – проблеял Аверьян сконфуженно, кротко глядя на Ивашку. – Я завсегда любил в колодцы глядеть. Кто-то на огонь зыркает, а я вот в колодец, на водицу.

– Оставь озорство энто, не маленький ужо, – заявил Сафронов, останавливаясь рядом. – Я ж тебе дело сказывал: али с нами, али хрен с тобой! Токо не боися убивать себя, ежели надобность в том приспичила. Мы тебя как своево, как святова захороним!

– Ну с вами я, куды же теперя! – воскликнул в сердцах Аверьян. – Токо душу не мотай на руку. Я ужо завсегда с тобой, и довольствуйся сеим, ежели потребность во мне имеется!

Ивашка окинул его оценивающим взглядом.

– Што ж, – сказал он, – быть посему. Нынче в баню пойдём. Тела ополоснем малеха и...

Ночью, после радения, когда другие участники обряда покинули избу, Сафронов подсел к кровати Аверьяна. Он долго и внимательно разглядывал возбужденное, покрытое ка-

пельками пота лицо Калачева, после чего вкрадчиво поинтересовался:

– Што, впечатляют радения нашенские?

– Ага, – выдохнул Аверьян, открывая глаза. – Я будто сызнова возродился! Я... я... – он облизнул губы, – я будто в раю побывал!

Ивашка довольно крякнул, по лицу расплылась широчайшая улыбка.

– То ли ешо будет, Аверьяша, – сказал он, томно вздыхая. – Вот кады ешо адептами пообразем, то окрепнем зараз! Чем больше народу в раденьях участвует, тем больше благодати с небес снисходит!

– Шуткуешь, – посмотрел на него недоверчиво Аверьян, – хто ж захотит увече себе причинять оскотлением?

– Энто ужо моя заботушка, голубок, – ответил Сафронов загадочно. – Мир полон грешников неприкаянных, и среди них достаточно эдаких, хто на корабле нашем местечко себе найтить захотит! А ну собирайся. Подсобишь малеха в деле праведном, а заодно и поглядишь, как голубки дикие на наш корабль залетают.

Шагая гуськом друг за другом, они подошли к бане. Из предбанника выглянул Стахей Голубев.

– Как она? – спросил Ивашка. – Не передумала в участии своем?

– Вроде как засумлевалася, – ответил Голубев, – но ничаво. Савва и Авдей ее даже в предбанник не выпускают. Дали

зелья соннова и...

– Силком вливали али сама выпила?

– Сама, не супротивлялася.

– Об чем вы энто? – встревожился Аверьян. – Вы што, кому-то худо причинить хотите?

– Не взбрыкивай. Щас сам все увидешь, – ответил Сафронов. – Делай все, как я велю, и ни об чем не вопрошай, покуда на то дозволенья не дам. Щас самолично коснешься Великова таинства оскпления, голубок. Заране упрещаю, обо всем опосля судачить будем!

Они вошли в предбанник.

– Хде она? – спросил Сафронов у Саввы, который, завидя его, сразу же отпрянул от печи.

– Тамма, – кивнул Авдей на дверь бани. – Готова ужо.

– Ступай к ней, – распорядился Ивашка, обернувшись к Аверьяну. – Ничаво не делай, токо рядышком с голубкой нашенской на полок присядь.

Переступив порог, Аверьян остановился, увидев обнаженную красивую девушку, лежавшую на полке. В нерешительности потоптавшись, вспомнив наказ «кормчего», приблизился к ней и примостился рядом. Покосился на дверь, будучи растерян, не зная, как поступить, однако что-то подсказывало ему...

Аверьян опустил на четвереньки и легко прикрыл ладонью рот девушки, затем потряс ее за плечо. Она, казалось, не хотела просыпаться. Сонно нахмурившись, пробормотала

что-то, но глаз так и не открыла. Аверьян нагнулся ближе и решил разбудить ее шепотом на ухо.

Глаза девушки широко раскрылись, а рот попытался издать крик под его ладонью.

В это время за дверью послышались шум и топот сапог. Дверь открылась. Вошел Сафронов. Его лицо было напряженно как никогда, весь вид кормчего ясно свидетельствовал о том, что все мысли и чувства устремлены к обнаженному юному телу. Ивашка не отказался бы от задуманного, если даже на его голову в тот момент рухнули проклятия рода человеческого или бы загорелась баня. В руках он держал железный прут, с раскаленным добела концом.

Аверьян вытер рукавом проступившие капли пота со лба и настороженно посмотрел на этот прут. Сердце беспокойно екнуло, дыхание замерло.

На лицах скопцов, вошедших за Ивашкой, – решительность и фанатизм. Они словно жаждали видеть ужасное зрелище и были готовы ускорить его своим вмешательством.

Сафронов, нахмутив брови, несколько секунд молчал, словно изучая тело жертвы. Затем поднял голову, окинул живыми черными глазами баню и сказал:

– Вот и все, Аннушка, времячко вышло. Щас ты познаешь все таинства обряда божественнова и обретешь вторую чистоту! – Он обернулся к застывшим сзади единоверцам, затем приподнял керосиновую лампу перед лицом девушки и продолжил: – Разглядел ли кто из вас очи этой голубки? Вы

токо поглядите, как она трепещет! Имеем ли мы право обречь ее на излишнее ожидание? Заставлять ее ждать благодати, кады она рядышком, – преступление! – Ивашка замолчал, передавая в руки Саввы керосиновую лампу, и вдруг повернулся к едва живой от страха девушке: – А ну?!

– Не-е-е-ет! – закричала та не своим голосом, отвалившись к стене.

Сафронов поднял глаза, прищуриваясь, чтобы лучше разглядеть перекошенное страхом лицо. Голос девушки, взывавшей за помощью, задрожал от ужаса:

– Аверьян?!

Девушка потянулась к нему обеими руками. Она задыхалась и тихо поскуливала. Аверьян понял: если он немедленно не поможет, та умрет. Тогда он попытался заслонить ее своим телом и, в этот момент...

Его голова повисла где-то между небом и землей от сильной боли, но сознания он не потерял. Звон полностью заполнил его уши, заглушая возгласы толпящихся в бане скопцов. Он качнулся вперед. Из носа фонтаном выплеснулась кровь.

– За што ж вы эдак меня, братцы? – прошептал он и сам не услышал своих слов.

– Штоб место свое знал и нос куда ни попадя не сувал! – проник сквозь хаос в его сознании голос.

Затем Аверьян почувствовал чью-то руку на своей талии, а еще пара рук поддержала его за плечи. Какой-то голос звучал обеспокоенно, и не было уверенности – не сам ли он раз-

говаривает с кем-то.

Лишившись единственной, хотя и ненадежной подмоги в его лице, девушка перешла к отчаянному сопротивлению. Она схватила с полки большой медный таз и стала отбиваться им от нападавших скопцов.

– Не трогайте меня! – кричала она. – Я еще не готова ступить на ваш корабль! Не касайся и ты меня, изверг! – яростно бросила она в лицо Ивашки, все еще стоявшего перед ней с остывающим прутом в руках.

Сафронов предпринял неудачную попытку схватить девушку, но та ловко увернулась и забилась в угол, прикрываясь тазом.

– Хосподи, помоги мне! – задыхаясь, прошептала она, однако Ивашкина рука выхватила ее из угла и с силой уложила на полку. – Хосподи, молю Тебя... молю, Хосподи!

Сафронов вытер губы и взглянул на скопцов. Те толпились в дверном проеме, уставясь на него. Тогда он поднес прут к соску левой груди девушки.

– Всем вон отсель! – приказал он своим последователям. – Нынче я сам, без вас справлюся!

Скопцы послушно вышли в предбанник и закрыли за собою дверь, а Аверьяна, случайно или умышленно, оставили в бане.

Как только дверь за ними захлопнулась, по парной мгновенно разнесся резкий запах паленого мяса. Девушка дико завизжала и тут же провалилась в глубокий обморок.

Скопцы в предбаннике запели один из своих псалмов, а Ивашка прижег сосок на второй груди девушки и велел снова накалить в печи прут, а сам вытащил из кожаного футляра бритву. Он собственноручно удалил несчастной половые губы. Вторая чистота снизошла.

Присыпав чудовищные раны каким-то порошком, Ивашка, чтобы окончательно заглушить «зов грешной плоти», выжиг крест во всю спину несчастной.

– Хосподи, да ты убил ее, Ирод! – закричал в отчаянии Аверьян, приходя в себя.

Сафронов никак не отреагировал на прозвучавшее обвинение. Он бережно обернул простыней тело оскопленной, после чего крикнул не оборачиваясь:

– Эй, кто там... Голубку нашу в избу снесите и Агафье передайте!

Затем хмуро глянул на Калачева:

– Аверьяшку как пса, на цепь садить велю! Пушай ночь мозгами ворочает, а с утраца раннева прямо к покаянию ево и призовем!

* * *

На следующее утро Ивашка сам пожаловал в баню и развязал Аверьяна.

– Эх ты, лапоть ушастый, – укоризненно покачал он головой. – Ты нам чуток все таинство в балаган не обратил.

Девку, видишь ли, спасти мылился... А от ково, скажи на милость?

Аверьян не помнил, как провел ночь, но вот издевательство над девушкой не забыл и брошенный Ивашкой упрек встретил во всеоружии.

– Она не жалала оскопляться, – сказал он, хмуря брови и растирая на запястьях рубцы от веревок. – Ты же сам сказывал, што оскопление завсегда таинство добровольное.

– И щас от своих слов не отрекаюсь, – согласился Ивашка. – Девка энта, Аннушка, давно ужо с нами проживает и в раденьях участвует! Оскопиться она сама возжелала. Токо вот прут огненный увидела и со страху решение свое враз поменяла! Теперя она Хосподом обласкана, в избе лежа. Ступай и сам погляди, ежели сумлеваешься.

Аверьян присел на скамейку в предбаннике и принялся растирать ноги. Он покосился на наблюдавшего за ним Сафронова:

– Вот я гляжу на вас и раденья вашенские, а в толк не возьму, чем вы от хлыстов отличаетесь. Ведь все одинаково у вас, токо не оскопляются оне?

– А што ты энто вдруг о христоверах³ вопрошаешь? – удивился Ивашка, явно не ожидавший вопроса. – Можя от нас да к ним переметнуться замыслил?

³ Христоверы – хлысты. Одна из форм старого русского сектанства, возникшая во второй половине XVII века в центральных губерниях России среди оброчных крестьян. Основателем её считается костромской крестьянин Даниил Филиппович.

– Куды я от вас теперя, – вздохнул обреченно Аверьян.

– И то верно, – согласился Сафронов, успокаиваясь. – Ты таперя без нас никуды! А христоверы...

Он закрыл дверь и присел на порожек.

– Я вот што поведаю тебе, голубь, – начал издалека Ивашка. – И мы, и хлысты из одново теста вылеплены. Раньше все христоверами щиталися. Токо вот разошлись кораблики наши. Хлысты после радений спать попарно ложатся, каждый со своею избранной! И грех эдакий грехом не щитают. Сын может с матушкой блудить, отец с дочерью... А блуд – это грех великий и непрощаемый. Радеец наш, Кондратий Селиванов, глас с небес услышал! А глас тот повелел ему супротив свальнова греха выступить! От греховых влечений велено ему было раз и навсегда – «каленным жалезом отжечь детородные свое уды!» Селиванов сам оскопил себя, вот так-то!

– И што с тово? Чаво достиг он, плоть свою эдак терзя?

– Великое множество адептов тады веру нашу зараз восприняли! Многие возжелали «сокрушить душепагубнова змия».

– Видать, Селиванов ваш знатно в души влазить мог.

– Резонов у Кондратия было превеликое множество. Кондратий открывал Евангелие и читал из него, што око, кое тя соблазняет, надлежит вырвать, а руку или ногу отсечь и бросить от себя!

Ивашка посмотрел на собеседника, но, не заметив на его

лице ничего пугающего, продолжил:

– Верующим с нашева корабля нужна есть пройти «огненное крещение». На энто существуют две степени посвящения: первое убеление – малая печать⁴ и большое убеление – большая печать! А ешо большая печать царской зовется. На всегда запомни, голубь, есть скопцы, которые оскоплены от людей, и есть скопцы, которые сами себя оскопили для Царствия Небеснова! «Нихто иной, а именно скопцы будут составлять те 144 тыщи избранных ангелоподобных, кои останутся после Страшнова суда»!

– А у меня какая печать? – не удержался от вопроса Аверьян.

– У тебя царская, – охотно пояснил Ивашка. – Теперя собча с тобой оскоплять адептов будем, хто к нашему кораблю прибиться захотит!

⁴ Удаление яичек («удесных близнят») называли «малой печатью», или «первой чистотой». Поскольку эти повреждения не мешали скопцу вступать в половую связь, основатель секты Кондратий Селиванов решил, что необходимо ампутировать «ключ бездны» – детородный орган. После этой операции на теле оставался овальный шрам – «царская печать». При оскоплении женщин вырезали, вытравливали кислотой или выжигали раскаленной проволокой соски или груди, большие или малые половые губы. Это была так называемая «вторая чистота». Чтобы окончательно заглушить зов плоти, скопцы истязали себя, выжигая на своем теле кресты.

В станице скопцам жилось трудно. Кроме казаков, у них имелся еще один враг – голод.

Скудные запасы подходили к концу. Повесив на шеи нищенские мешки, женщины мыкались по окрестностям, выпрашивая милостыню. Они уходили из станицы затемно, а возвращались к ночному радению. Приносимая ими пища бережно делилась поровну, съедалась, и все переходили к молению.

Но и на этом испытания не заканчивались. Ивашку в очередной раз предупредили, что казаки-гирьяльцы готовят погром в их избах...

– Уходить отсель надо, – наседали на него скопцы. – Не кончится добром сие. Война разделила людей и обозлила несоизмеримо. Казаки теперь во всех врагов видят.

– Да я бы рад-радешенек увести вас отсель куды подальше, – вздыхая, оправдывался Сафронов. – Токо вот покуда идтить нам некуда – война кругом. Покудова до Оренбурга доберемся, в лапшу изрубают!

После радений скопцы теперь больше не покидали избу Сафронова. Бледный от голода и переживаний Ивашка бродил из угла в угол. Любой звук с улицы, заставлял его нервничать. Глаза кормчего ввалились и лихорадочно блестели.

В эту ночь станицу накрыла сильная буря. За окнами вы-

ло, в трубе гудело; казалось, кто-то бродит по двору, и стучит в дверь. Скопцы не спали. Они сгрудились у печи и тихо, вполголоса, напевали грустные мотивы. Сафронов подкладывал в печь полешки и о чем-то сосредоточенно размышлял.

Из сеней послышался топот сапог, дверь распахнулась, и в избу ворвался Савва. Скопцы вскочили со своих мест, а Ивашка поспешил к нему навстречу.

– Оне идут! – выкрикнул Савва посиневшими от холода губами и рухнул на пол.

Сектанты, как отара перепуганных баранов, сбились в кучу, готовясь встретить смерть.

В дверях появился огромный чернобородый казак с нагайкой в руке. Все затаили дыхание, глядя на вошедшего с ужасом.

– Ну, чаво оробели, безбожники? – спросил громко казак, разглядывая скопцов сквозь густые, шапками нависающие над глазами брови. – Мы зла вам не жалаем и чинить такова не станем. Вы ужо и без тово наказаны, сами себя искалечив. Но вот зрить вас и терпеть рядом не хотим! – подчеркнул он внушительно. – Щас собирайтесь и выметайтесь. На дворе – сани. На них и полезайте!

– И што? – спросил Ивашка, протискиваясь вперед. – До утра обождать невтерпеж было? Вы сами-то зрите, эдака погода на дворе? Да в такую пургу хозяин собаку на улицу не выгонит.

– А ты мне на жалость-то не дави, – грозно сдвинул брови к переносице казак. – Мы тя уж не единожды упреждали, штоб подобру-поздорову из станицы убиралися. Теперя не взыщите! Живо в путь! Довезем до Саракташа зараз, а тама сами как знаете!

Высказав все, с чем пожаловал, казак вышел из избы, оставив скопцов наедине со своими страхами и сомнениями.

– Што делать будем, голуби вы мое? – обратился Сафонов к своим последователям. – Видать, не отстанут оне от нас, коли уходить воспротивимся?

– Сожгут и нас, и избы, – вздохнул кто-то. – Казаки – оне не приемлют веры нашенской! Как токо мы сюды приехали...

– А ну замолчь! – раздраженно рыкнул на говорившего Ивашка. – Все зрим зараз, што нечаво рассусоливать. Раз не прижилися в станице, в город пойдем! Тамма вере нашей чинить препонов нихто не станет, да и с голодухой справляться легшее будет!

А затем все как во сне – пурга, сани на снегу, занесенная дорога, дикая ночная степь... Позади, в покинутой станице, вдруг загорелись большие костры, и скопцам стало ясно, что казаки жгут покинутые ими избы.

Склонив голову на бок, Аверьян наблюдал за бушующей вокруг пургой. Он ни о чем не думал. Рядом с ним, на санях тихо стонала и плакала оскопленная Анна. Ему нечего было сказать ей в утешение. В голове вихрем пронеслось множе-

ство мыслей, но это были совсем не те слова, которые с радостью бы выслушала искалеченная девушка.

Аверьян в годы своего отрочества не переживал особых трудностей, выпадающих обычно на долю большинства казачьих детей. Он не знал сомнений в правильности жизненного пути, так как полагал, что живет именно так, как угодно Богу. Женитьба, рождение детей... Все шло как положено, да вот только война в корне изменила всю его жизнь.

Вплоть до мобилизации в армию атамана Дутова Аверьян не переживал ни страха, ни потрясений, ни разочарований. Конечно, назвать его баловнем судьбы было бы опрометчиво. Он с раннего детства привык много работать по хозяйству и вырос достаточно закаленным для самостоятельной жизни. Однако сейчас он потерялся перед лицом наступившего его ужасного испытания и окончательно пал духом. Ему до слез было жалко искалеченную Ивашкой сиротку Аннушку, жившую тихо в их общине. Она готовила еду, стирала, помогала по хозяйству и никогда не высказывала пожелания об оскоплении, а тут...

Аверьян снял рукавицу, нащупал девичью руку и накрыл ее своей ладонью.

– Ничаво, Аннушка, крепиися, – сказал он ей, когда девушка прильнула головой к его груди. – Жива ведь, и то хвала Хосподу! – уже более убедительно закончил он. – Сама зрила, што хотел я уберець тя от мук адовых, а вона как все вышло...

Анна посмотрела всепрощающе, спрятала лицо у него на груди. Аверьян обнял ее, прижав к себе. Она не сопротивлялась, притихла, замерла, и только плечи слегка подрагивали.

– Теперя и мне коротать свой век в девках, – медленно проговорила она. – А я ведь и не мыслила оскопляться. За што они эдак меня?

– Ведаю я об нежелании твоём, – вздохнул сочувственно Аверьян. – Теперя не пеняй на судьбину и живи эдакой, каковая есть. Погляди-ка вот на меня, дева. Не Ивашка, а сам Хосподь с небес оскопил меня осколком снарядным! Мыслил руки на себя наложить, токо вот опосля...

Анна резко отпрянула, подняв голову.

– Всех нас хто-то оскопляет, но токо не Хосподь! – она отчетливо произнесла эти суровые слова. – А я, дура, мечтала дитё родить, хотела любить и быть любимой! А што теперь? Токо со скопцами жизнь коротать?!

– Иных путей нету, – вздохнул Аверьян. – Ни у тебя, ни у меня, ни у ково, хто нас окружает.

Не слушая его, Аннушка словно продолжала разговор с собой.

– И ты, и я – калеки убогие! Мы принесли жертву, а што взамен получили?

– Наверное, то, об чем ты мыслишь, мы ужо сполна получили, – крикнул Аверьян.

– Но почему, штобы обрести щастье, человек должен быть искалечен?

– Эдак Ивашка уверяет. А он...

Аверьян замолчал, так как видел, что девушка не слушает его или утомилась перекрикивать шум пурги. Она смотрела на черное небо, на крутящийся вокруг саней снег. Тоска, боль, безнадега и решимость угадывались в ней.

– Когда Ивашка привез тебя в станицу... – Аннушка проглотила застрявший в горле горький ком. – Снаряд не оскопил тебя, а лишь в живот ранил. А я... а я... я не смогла уберечь тебя от оскопления! Ивашка с Саввой... оне осколок из живота вытащили, а заодно и... – Она снова прикусила губу, прижалась к груди Калачева и замолчала.

Аверьян сидел молча. Он был потрясен неожиданно открывшейся правдой. Эта несчастная девушка за несколько минут перевернула весь мир. Он прижал ее крепче к груди, а сам не мигая смотрел на снег, на спину управлявшего конем казака и словно видел все это впервые.

В таком неподвижном состоянии сани довели их до Саракташа. Пурга затихла, и на небе засияло утреннее солнышко.

Казаки высадили скопцов у вокзала, оставили им кое-какие продукты и укатили в обратном направлении. Сектанты же обступили своего обескураженного кормчего, желая услышать от него хоть что-то обнадеживающее относительно их дальнейшей судьбы.

3

Аверьян Калачев стоял на привокзальной площади Бузулука в странном состоянии – без мыслей и чувств. В отличие от остальных сектантов ему тяжело было вернуться в родной город: страшно и подумать, что ожидает его здесь.

Боясь быть узнанным, Аверьян протиснулся с мешком в середку сектантов и натянул шапку поглубже на глаза. Он вдруг почувствовал, как завершился необъяснимый круг его жизни и начинается новый. Трудно судить, что готовят ему перемены, сколь долго еще будет блуждать душа в потемках страстей, падать в бездну, взлетать и вновь проваливаться во зло. Он чувствовал себя великовозрастным младенцем, вдруг родившимся на свет и не знающим, что теперь с этим делать.

Неожиданно Ивашка Сафронов собрал всех вокруг себя. До этого он успел куда-то отлучиться и вернулся к своей пастве с обнадеживающей улыбкой на озабоченном лице.

– Здесь неподалеку есть брошенный дом с подвалом, – объяснил он скопцам, смотревшим на него глазами, полными надежды. – Щас мы в него заселимся и приведем в надлежащий вид.

Четверть часа спустя он привел их к большому каменному дому без окон и дверей.

– Да-а-а, – протянул озабоченно Ивашка, разглядывая это

каменное чудовище, – а мне вот иначе об нем сказывали. Што ж, айдате зайдем. Все одно выбирать боля не из чево.

Вход в подвал скопцы увидели сразу же, как только переступили порог негостеприимного дома. Спустившись по каменной лестнице вниз, они с облегчением увидели дверь, закрывающую собой вход в подвальное помещение, однако подвал оказался обитаем, ибо дверь была заперта изнутри.

Ивашка постучал. Послышалась возня, затем шаги и звук отодвигаемого засова. Навстречу скопцам вышел невысокий худой, заросший седой щетиной человек.

– Кто такие будете? – спросил он хриплым простуженным голосом.

– А тебе сее не все ли равно, голубь? – спросил, в свою очередь, гласом проповедника Ивашка, с опаской косясь на правую руку хозяина подвала, в которой тот сжимал топор.

– Извольте ответить на мой вопрос, раз приперлись, – повысил голос тот. – Это не я к вам заявился, а вы ко мне. Так уж представьтесь или проваливайте с глаз моих долой.

– Может, впустишь нас, мил человек? – простонала Агафья так, что невозможно было отказать. – Мы аж до косточек промерзли, дозвожь согреться?

– Согреться? – усмехнулся мужчина, слегка посторонившись и давая проход. – У меня вы как раз и «согреетесь»! На улице теплее, чем в этом каменном склепе.

В большом подвальном помещении дома действительно было чуть теплее, чем на улице. Скопцы разбрелись по углам

и расположились кто где.

– Нас на постой примешь? – поинтересовался Ивашка, меняя догорающую лучину.

– Всех? На постой? – опешил мужичок. – А вы что, еще спрашивать меня об этом желаете?

– Конечно, – важно кивнул Ивашка. – Мы ж люди набожные, а не лихоимцы с большой дороги!

– Пожалуйста, обживайтесь, – повел вокруг себя рукой мужчина. – Места всем хватит! Кстати, я Егор Кузьмич Мехельсон. Бывший хозяин лабаза, руины которого у нас над головами. А сейчас безродная нищая крыса.

* * *

Первую ночь в Бузулуке скопцы провели в тесноте и холоде. Они жались друг к другу и молчали. Чтобы хоть немного согреться, в подвале развели костер.

Аверьян Калачев делал вид, что дремлет, сидя в углу, а сам наблюдал за Ивашкой, который о чем-то оживленно разглагольствовал с хозяином дома.

С того самого момента, как сошел на перрон, Калачев едва сдерживал в себе бурю противоречивых чувств. Он был уже не тем, что покинул Бузулук с отрядами армии атамана Дутова. Сейчас, в родном городе, Аверьян чувствовал себя чужеродным телом. Чувства кипели в нем, как вода в чайнике. Только в мире уродцев, страдание которых – смысл жизни.

ни, он вдруг почувствовал себя нормальным.

Ему захотелось прогуляться. Едкий дым от костра просочился в легкие и рвал их на части. Аверьян тихо выбрался из подвала и пошел вниз по улице, зная, что она приведет его к вокзалу.

Город спал. Не спали и не молчали только лозунги, развешанные повсюду. С фонарных столбов, с деревьев они вели свою бесконечную агитацию белой краской по красному холсту. «Все на борьбу с Колчаком!», «Все на борьбу с Дутовым и всей белогвардейской сволочью!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Самый большой транспарант пересекал улицу: «Вся власть Советам! Да здравствует диктатура пролетариата!». Глаза Аверьяна равнодушно скользили по плакатам.

На перекрестке, у поворота в сторону вокзала, он увидел большой костер и греющихся возле него вооруженных людей. Стараясь не привлекать внимания патрульных, Калачев ускорила шаг и вдруг заметил высокую крепкую фигуру, стоявшую впереди метрах в пятидесяти и будто поджидавшую его. «Фигура» напряженно разглядывала приближавшегося Аверьяна, легонько пританцовывая на месте от мороза. Как только он приблизился на достаточное расстояние, она вдруг попятилась и скрылась за стволом раскидистого обледеневшего клена.

До вокзала оставалось рукой подать. И снова плакаты, плакаты, плакаты... Костров стало больше, как и патрульных

вокруг них.

Не искушенный в шпионских играх, Аверьян продолжил свой путь, не ускоряя, но и не замедляя шага. Он и предположить не мог, что кто-то идет за ним по пятам. А преследователь двигался хоть и быстро, но неуклюже, словно стеснялся своего поведения.

Калачев миновал привокзальную площадь. В воздухе стоял запах угольного дыма от пыхтевших на путях паровозов. Тут Аверьян словно очнулся от оцепенения и оглянулся. Но, кроме костров патруля, так никого и не увидел.

Прогрохотал паровоз. Аверьян зябко поежился и решил возвращаться. Туда, куда несли его ноги, идти сегодня было не с руки. Но и возвращаться в холодный задымленный подвал тоже не хотелось. Он готов был замерзнуть на улице, лишь бы не видеть полные смирения гнусные физиономии скопцов.

– Видать, нагулялся, голубь! – прозвучал как гром среди ясного неба противный голос Ивашки Сафронова, и он собственной персоной вышел из-за дерева. – Я тут мимо проходил, да вот тебя углядел. Ну так што, на «корабль» потопали? А?

– Ты што, за мною доглядывать решил? – ухмыльнулся Аверьян, чувствуя облегчение. – Мыслишь, што с «корабля» тваво эдак вот возьму и утеку?

– Што я мыслил, пущай при мне и остается, голубь, – сказал Ивашка, подходя ближе и беря Аверьяна за руку. – Айда

в обрат, Аверьяша. Семью понаведывать светлым днем сходишь, а не как вор ночью темной! Хошь без нас, один ступай, неволить не станем. И ешо хочю сказать – не стыдися ты нас, горюшко луковое. Поверь на слово, што к весне ужо мы будем жить в сытости и достатке, всем на зависть!

– Сумлеваюсь я в том, – вздохнул Аверьян и поплелся с опущенной головой за Ивашкой.

– А ты не сумлевайся, голубь. Весна-красна придет, и сам все увидишь...

* * *

Весна наступила не сразу и не так быстро, как хотелось бы. Предприимчивый Ивашка сумел за короткий срок привлечь на свою сторону нескольких зажиточных одиноких горожан, торговавших на рынке и возжелавших «праведной жизни и Царствия Небесного». Он умело убеждал новых adeptов в правильности выбранного пути.

В общине существовал порядок, согласно которому одному скопцу наследует другой. Таким образом, ценой оскпления сектант вступал в круг богатых наследников и вполне мог по прошествии лет разбогатеть. Большую роль тут играла человеческая жадность, которой умело манипулировал Ивашка, разжигая ее в сердцах вербуемых сектантов. «И на семью не надо тратиться, – разъяснял он сомневающимся, – а энто немалая выгода и экономия! И мирские греховодные

соблазны – совсем ничто по сравнению со всеобщим радением!»

По Бузулуку поползли фантастические слухи о появлении богатой секты. Стали появляться желающие приобрести благосостояние ценой утраты «детородных уд». И все же заманивали к скопцам большей частью уговорами, подкупом, а то и попросту забирали детей у обнищавших до крайности родителей.

Ивашка Сафронов был неоспоримым лидером. Под руководством кормчего скопцы отремонтировали большой дом Егора Мехельсона и приспособили его и под жилье, и под монастырь. Самого хозяина оскопили и сделали рабом секты. Сафронов так прочистил ему мозги, что тот стал предан как пес. И потому Ивашка назначил Егора хранителем скопческого общака.

Однажды в полдень Сафронов позвал к себе Аверьяна. Они спустились в подвал, где уже находился Егор Мехельсон, изучавший какие-то бумаги.

– Ну што, голубок, весна вон пришла, – сказал Ивашка, загадочно улыбаясь и кивая Аверьяну на скамью. – Токо погляди, как подвал мы обустроили? Любая церковь православная позавидует!

– Завидовать уже некому, – вздохнул Мехельсон, отрываясь от изучения бумаг. – Все церкви сейчас закрываются. Синагоги и мечети, как я слышал, тоже закрытию и сносу подлежат!

– Зато нас никто не коснется, – убедительно заявил Ивашка. – Наш корабль никакому антихристу не по зубам!

Аверьян с интересом осмотрел подвал, в который не заходил последнюю неделю. Помещение было просто не узнать! В нем имелось все кроме ненужных икон. Лавки, столы, чистенькие скатерти, выбеленные стены.

– Чаво молчишь? – услышал Аверьян возглас Сафронова. – Я ж те говорил, што к весне все сладится. Говорил?

– Христу спасибо. Забот не ведаем.

– Пожалуйста, – ответил Ивашка на «спасибо» – Токо вот... – Он внимательно глянул на Аверьяна. – А ты пошто семью свою не навещаешь? Ужо стоко времени мы в городе твоём, а ты... Али не заботит тебя боля житие жинки и детишек?

Напоминание о семье заставило вздрогнуть, но Аверьян быстро взял себя в руки. Первоначальное напряжение от приглашения в молельный подвал угасло. Единственное, на что Калачев сейчас уповал, так это на подходящую причину, чтобы окончить неприятный разговор и уйти.

Он давно уже тайно ненавидел Ивашку, сделавшего из него безропотного калеку, но не мог открыто противопоставить себя «Христу» скопцов, так как был одним из них и в отдалении от «корабля» жизнь свою уже не мыслил. Аверьян будто попал в замкнутый круг. Он переставал чувствовать себя убогим, только когда впадал в экстаз...

– Жинка моя померла, а робятишек забрали сродственни-

ки, – солгал Аверьян, так как не желал видеть Стешу и сыновей в числе адептов секты.

– И ты зрил воочию супружницу мертвой? – прищурился Ивашка, не отрывая от его лица изучающего взгляда.

– Я зрил ееную могилу на кладбищах. А двери и ставни избы нашей гвоздями зараз заколочены.

– А про детей откель прознал? – допытывался Сафонов. – Можя, с кем из сродственников об них судачил?

– С соседом встренулись, – снова соврал Аверьян. – Он мне и про супружницу, и про деток все обсказал.

– Соболезную тебе, голубь, – вздохнул театрально Ивашка. – Нынче некогда, а завтра... завтра всей общиной на кладбище сходим и память супружнице твоей, безвременно помершей, всем обществом почтим!

Аверьян побледнел. Он испугался. Ему не хотелось прослыть среди сектантов лгуном и быть презираемым.

– Так што? Могилку-то укажешь? – процедил сквозь зубы Ивашка, все еще буравя лицо Аверьяна пронизывающим взглядом.

– Нет, не хочу я тово, – увел он в пол глаза.

– Не хошь как хошь, – пожал плечами Ивашка. – И не серчай на меня, голубь. Я же энто тово, от всей души хотел...

Он холодно смотрел на нахмуренное лицо Аверьяна, всем своим видом пытаясь подчеркнуть, что верит ему.

– А я ему не верю, – неожиданно подал голос Егор Мехельсон. – Врать он мастак. Я за версту обман чую!

Лицо Сафронова блеснуло в полумраке подвала, в глазах – ликование.

– А теперь, Христа ради, – сказал он вкрадчиво, – ради нас обоих – правду!

В горле у Аверьяна пересохло настолько, что слова едва выходили наружу.

– Супружница моя мертва, – твердил он упрямо. – Какая ешо вам правда нужна? Ежели бы она жива была, то я...

Ивашка кивнул; его взгляд, когда он заговорил, казался сострадательным.

– Ты щас обсказал мне нечто эдакое, во што мне хочется верить, и энто обсказал ты с такой прямотой, што я поверил! – Он тяжело вздохнул. – Стало быть, супружница твоя на кладбище покоится, детишки у сродственников... А изба? Изба осталася, а нам здесь места на всех не хватает?

– Послухай, энто моя изба, а не наша! – закричал Аверьян в отчаянии, ощущая необходимость что-то предпринять.

– Изба твоя, а ты наш, – повысил голос и Сафронов. – Али ты запамятовал, голубь, што в общине нашей все общее?

– Жана померла, дык ведь дети остались?! – взмолился Аверьян. – Им же...

– Деток твоих к себе возьмем, – оглушил его Ивашка. – Все сообща, я и вы, под одной крышей проживать станем! Эдакое счастье не каждому предначертано в жизни энтой!

– К избе моей и деткам моем не дозволяю суваться! – Аверьян сжал кулаки.

– И в мыслях сее не вынашиваю. Как лутше хотел, а ты...

Лицо Ивашки выразило разочарование. Аверьян с трудом проглотил ком, застрявший в горле.

– Ты мне што-то обсказать мыслишь? – спросил Сафонов.

– Спать я хочу, – ответил Аверьян устало. – Захворал, видеть, я шибко, вот ко сну и клонит.

– Што ж, иди отоспися до радения, – пожал плечами Ивашка. – А мы тутa с Егоркой ешо кой об чем порассусоливаем.

* * *

В этот вечер к скопцам на радение пожаловало много народу. Падение влияния религии, разгром и разграбление церквей – хаос внес в души верующих пустоту и безысходность. С другой стороны, с ослаблением влияния православия укрепились позиции сект, которые начали разрастаться в России со сказочной быстротой. Закрывая церкви, советская власть таким образом пыталась покончить с властью поповской, но воспитанные на вере в Бога люди не могли просто выбросить «Хоспода» из души, а потому искали утешения в сектах, распахнувших свои гостеприимные объятия.

С каждым днем все больше людей стали заглядывать на радения к скопцам. Кто-то шел ради любопытства, кто-то в духовных мытарствах, а кто-то из корысти. Побывав на раде-

ниях и приняв в них участие, большинство зевак и не замечали, как попадали под мощное влияние «живого Христа» – Ивашки Сафронова.

А тот изо всех сил изображал из себя Бога, да так талантливо, что самозабвенно верил в свою роль «спасителя человечества». Ивашка мастерски демонстрировал патологическую одержимость и свою «христианскую чистоту и праведность». С пеной у рта он убеждал проходящих:

– Ежели вы не веруете в Хоспода, голуби, вам лутше не ходить к нам и не трогать сваво грешнова тела. А ежели веруете всей душой и всем сердцем, то оскопляйтеся и ступайте чистыми в Царствие Небесное!

...Сегодня религиозный экстаз захватил Аверьяна во много раз сильнее, чем всегда. Ему казалось, что скопцы особенно возвышенно распевают псалмы и пляшут намного краше, чем всегда. Он легонько толкнул локтем Анну и шепотом поделился с ней своими мыслями:

– Чую, нынче што-то необычное? Можя, праздник какой?

– А у скопцов всегда праздник, – зло произнесла в ответ девушка. – Как раденье, так и праздник! Если не будем стараться, то гости станут смеяться над нами. А вот если постараемся и все возьмутся выплясывать рядом, то тогда никто уже не скажет про веру нашу, что будто бы нет в ней священной силы!

Пришедшие на радение копировали движения скопцов, постепенно входя в состояние транса. Все иное истолковы-

валось как прямое оскорбление религиозных чувств и знак неуважения к вере.

– Восславим же Господа нашего! – завизжали Агафья и Акулина. – Уверуйте в Иисуса Христа, голуби! Ведь он вот. Господь среди нас!

С этими словами они поспешили к Ивашке и взяли кормчего под руки. Он провел по лицу ладонями, утирая капли пота, с губ его не сходила блаженная улыбка.

– Я люблю вас, голуби мои! – воскликнул Ивашка, обнажив крупные зубы. Громкий голос кормчего перекрыл даже общее пение скопцов.

«Богородицы» грохнулись перед Сафроновым на колени и, глядя на него безумными остекленевшими глазами, снова зычно заголосили.

Пространство вокруг Ивашки замкнулось: сектантам и тем, кто присутствовал в молельном подвале, захотелось дотронуться до «живого Христа».

– Голуби мои! – подняв руку, заговорил Сафронов. – Все нынче зрили воочию, как на меня снисходит Святой Дух?!

– Да! – выдохнула толпа, находящаяся в возбужденном состоянии после радения.

Сафронов говорил еще долго, и каждое слово его било точно в цель.

Как только он замолчал, из толпы к нему протиснулся Егор Мехельсон, держа за руку крепкого подростка с рябым лицом и испуганными глазами.

– Господи Всемогущий! – воскликнул Егор, падая на колени перед Ивашкой и увлекая за собой подростка. – Оскопи вот племянника моего, молю тебя! Хочу, чтобы он очистился от скверны нынешней и голубем белым взлетел на корабль веры нашей!

Видимо, эта выходка Мехельсона была неожиданна и для Сафронова. Сначала он явно смутился, округлил глаза, но быстро взял себя в руки.

– Кто ты есть, чадо мое? – спросил Ивашка у подростка, кладя ладонь ему на плечо.

– В-Васька я, Н-Носов... – ответил тот, заикаясь от волнения.

– Племяш он мой, – оживился Егор. – Сестра померла, а мальчонку сиротой оставила.

– Он истину молвит? – спросил у подростка Ивашка.

Тот стоял ни живой ни мертвый и во все глаза тарасился на «Бога».

– Ну чего ты, не молчи! – дернул его за руку Егор.

Васька, заикаясь и дрожа, заговорил:

– Д-да. Д-дядя Е-Егор в-всегда х-хорошо с-со м-мной о-обращался... К-кормил и ж-жалел м-меня. А-а п-потом с-сказал, ш-што э-эдак л-лучше б-будет...

– Истинную правду твой дядя говорил тебе, – вздохнул Ивашка и потрепал волосы на голове подростка. – Хорошо жить теперь будешь. Станешь святым, а душа очистится, как у ангелочка! Блудить не станешь. И богатство ждет тебя на

земле, а в небесах бессмертие!

– А-а-а ешо-о-о д-дядя о-обещал м-мне, ш-што т-три т-тулуца о-отдаст и д-дом э-этот в-вот о-отпишет? И д-денег м-много о-обещал, и-и-и...

– Раз обещал, знать эдак и поступит, – поспешил заверить его и притихших слушателей «Христос-Ивашка». – У нас все общее, и мы не токо каждый для себя, а для всех живем!

– Чтоб у тебя язык отсох, – прошипела стоявшая позади Аверьяна Анна. – Мальчонку жаль. Еще жизни не видел, а уже в инвалиды угодит.

– Но он же сам тово хотит? – обернувшись, прошептал Аверьян.

– Башку ему задурили, – последовал ответ девушки. – Как и тебя дурят.

– Который раз ты мне об том талдычешь, Анька, – нахмурился Аверьян. – А не наговариваешь ли ты со зла на Ивашку нашева?

– Я?! – поджав губы, возмутилась девушка.

Восклицание ее было таким громким, что привлекло внимание присутствующих. Аверьян даже испугался, увидев десятки пар глаз, уставившихся на них.

– Пора на покой расходиться, голуби мое, – отвлек на себя всеобщее внимание Ивашка. – Утро вечера мудренее. Спите спокойно и хорошенько над словами моими размышляйте. Кто на корабль наш засобирается – милости просим! Токо покой и Царствие Небесное отныне и навсегда ожидают нас!

Оскопление племянника Егора Мехельсона было назначено на следующий день.

Аверьян с Анной более часа беседовали с Васькой после радения, пытаясь отговорить от опрометчивого поступка. Но мальчик был упрям и ни на какие уговоры не поддавался. Разочарованные, они разошлись спать.

Скопцы с утра натопили баню, хорошо отмыли и отпарили в ней Ваську, после чего облачили в белое новое нижнее белье. Заблаговременно опоенный снадобьями подросток лежал на полке, укрытый до подбородка белой влажной простыней.

Баня была залита красновато-розовым светом солнечных лучей, пробивающихся через закопченное окно. Солнечный свет коснулся рябого лица Васьки и превратил его в маску, на которой застыло выражение глубокого смирения, готовности принять на себя тяжкую ношу и огромного, невысказанного горя.

Когда Васька увидел входящих в баню скопцов, губы его задрожали, а из глаз выкатились две слезинки.

– И какова рожна ты эдак нас слезами встречаешь? – спросил, улыбаясь, Ивашка. – Ты радоваться должен, Василек! Ужо шас уберем у тебя удесных близнят – и все зараз. Малой печатью эдак тебя отметим.

– З-знаю я, – прошептал одними губами несчастный подросток. – П-пожалуйста, с-скорее в-все д-делайте. Б-боюсь я, ш-што п-помру, п-покуда б-благодать н-на м-меня с-снизойдет.

Васька разволновался. Простынь у него на груди то спускалась, то поднималась. Чистое полотенце, лежавшее на простыне, соскользнуло и упало на пол. Когда Аверьян наклонился за ним, подросток задрожал и закрыл глаза.

– Ничаво, потерпи малеха, – прошептал зловеще Ивашка, приближаясь к мальчику. – Я быстро, я щас...

Сафронов, словно растягивая удовольствие, не спеша обмыл нож горячей водой и смазал его салом. Выражение его лица было таинственным и сосредоточенным. Видимо, возбуждаясь от предстоящего, он задышал учащенно.

Савва схватил мальчика за ноги и развел их. Аверьян, обливаясь потом, взял Ваську за руки и, закрыв глаза, отвернулся. Внутри забурили угрызения совести. А «Христос»-Ивашка взялся за дело с мастерством бывалого мясника.

– Крепше держите! – крикнул он Савве и Аверьяну. – Ключ бездны заодно оттяпывать буду.

Он истерично хохотнул, беря член подростка дрожащими окровавленными руками:

– Ну-у – у... добро пожаловать на наш корабль, голубь белый! Токо помирать не смей! Мы тебя для лутшей жизни зараз готовим!

За время чудовищной кастрации мальчик только стонал. Он ни разу не крикнул и не пытался вырваться. «Видать, опоили какой-то хреновиной, – думал Аверьян, выходя из бани. – Ну и дела, Хосподи, неужели ты энтова не видишь?». Калачев не устал, но чувствовал себя совершенно разбитым, страшным злодеем, только что совершившим чудовищное преступление, которому нет ни оправдания, ни прощения. «Ведь ты не по своей воле?» – попробовала оправдаться стонущая совесть. Но воспоминание о крови Васьки тут же заслонило ее и окончательно лишило Аверьяна душевного равновесия.

Опустив голову, он шел к дому, не видя ничего вокруг, и, погруженный в тягостные мысли, начал озираться как человек, теряющий рассудок. Затем остановился на крыльце, посмотрел на свое отражение в оконном стекле, тяжело вздохнул и покачал головой, увидев осунувшееся лицо с глубоко запавшими глазами совершенно чужого человека. И тут Калачев вдруг осознал всю никчемность своего бытия. Он одинок и никому не нужен!

Аверьян встряхнул головой. Ему вдруг захотелось облегчить душу и хоть с кем-то поделиться горем. Если бы рядом была сейчас его жена Стеша, она могла бы выслушать его и понять!

Он вспомнил про Анну. Вот кто нужен ему сейчас! Девушка ненавидит скопцов, ненавидит их «Христа», и именно ей без раздумий и сомнений можно открыться.

Аверьян вошел в дом и тут же окликнул пробежавшую мимо Агафью. Вид у него, должно быть, был страшный, так как женщина шарахнулась от него в сторону, как от чумного.

– Анна хде? – спросил Аверьян, глядя на нее. – Пошто зенки пялишь, бутто на мертвяка, а рот не открываешь?

– Откель мне знать, хде Анька шатается, – хмуро ответила та. – А ты и впрямь с вурдалаком схож. Ночью узришь и не проснешься вовек.

– А ты дрыхни ночами крепше и больше молися перед сном, – огрызнулся Аверьян, направляясь к выходу. – А штоб вурдалаки не мерещилися, к «Христу» почаще прикайся. Благо он завсегда под рукой.

4

Наступило лето 1920 года.

С окончанием интервенции и Гражданской войны молодая Советская республика переживала исключительные трудности. Хозяйственная разруха и обнищание были суровой действительностью тех дней. От бушевавших на полях губернии военных действий пострадало сельское хозяйство.

По мере того как Советскую республику охватывал голод, наступало золотое времечко для скопчества. НЭП как нельзя кстати пришелся для развития и укрепления секты. Ивашка Сафронов безошибочно угадал, что «время пришло», и с деловой хваткой взялся за дело.

* * *

Лавку открыли на городском рынке. Раздобытые Ивашкой товары заняли свои места на полках, и дело пошло.

Ивашка Сафронов, стоя у дверей, буквально дрожал от переполнявшей его энергии. Он широко улыбался, с надеждой посматривая на подходивших людей, и бросал хмурые взгляды на Егора Мехельсона и Аверьяна Калачева. Всем сердцем он уповал на то, что торговля будет бойкой, а выручка немалой.

Однако покупатели не слишком спешили заходить в лав-

ку. Поглазев на витрину и повздыхав, люди неторопливо переходили к соседней, более привычной для них. Там они тоже останавливались, рассматривали товары, хотя так же почти ничего не покупали. Ивашка с плохо скрываемой досадой шипел им вслед, и в глазах его вспыхивали злобные огоньки.

С унылым видом он подошел к прилавку, ощущая слабость во всем теле.

– Не извольте беспокоиться, Иван Ильич, – подал голос Егор Мехельсон. – Дело вовсе не в том, что наша лавка хуже других, и даже не в том, что мы будто бы торговать не умеем. Покупатели нынче бедны, как мыши церковные...

Время приближалось к полудню. Людей на рынке становилось все меньше, а лавка скопцов имела выручки с гулькин нос.

– Эдак дело не пойдет, – заявил с понурым видом Ивашка. – Надо искать иные пути добычи денег.

– Еще только полдень, к чему печалиться, – попытался успокоить его Мехельсон.

Но охваченный тоской Сафронов прошелся взад-вперед по лавке, перебирая в памяти все способы, с помощью которых можно было бы дать толчок бизнесу. Но подобрать что-нибудь подходящее оказалось не так-то просто. Упадок чувствовался не только в торговле – обнищали все.

Однако Ивашка не терял надежды. Он искренне верил, что пусть не сегодня, так завтра дела все одно пойдут в гору.

Люди есть люди, всем хочется есть, пить и хорошо одеваться. А у них товары дешевле, чем у других.

Последняя мысль несколько воодушевила Сафронова. Он подозвал к себе Егора Мехельсона и Аверьяна.

– Вот што, голуби мои, – сказал он им заговорщическим тоном. – Тепер поступим вот эдак, и никак боля.

Егор и Аверьян непонимающе переглянулись.

– Отныне эта вот лавка и доход с нее ложатся на ваши широкие плечи, – продолжил Ивашка. – Вы в ней днюете и ночуете! Товар тожа сами продаете.

– А радения как же? – высказался удивленно Егор, которому не понравился замысел кормчего.

– Поочередно приходите будете, – ответил тот. – Ваську ешо в помощь вам придам. Вот втроем и потянете ляжку торговую. Егор ужо опыт в том имеет и тебя, Аверья, торговому ремеслу зараз обучит.

– Позволь спросить тебя, Иван Ильич? – обратился Мехельсон. – Ты еще что-то задумал, так ведь?

– А энто ужо не вашава ума дело! – нахмурился, отвечая, Сафронов и нехорошо покосился на Аверьяна. – То, что я задумал, токо одново меня и касается. Так што делайте свое дело, а в моё носы не суйте. Знайте одно, што на одну казну все работаем, и усердствуйте, не ленясь, штоб мозги зараз жиром не обросли.

Они встретились на берегу реки Самары. Произошел короткий, но многозначительный разговор.

– А ты хоть раз навестил жену и детей, Аверьян? – спросила Анна. – Как им живется, знаешь?

– Разве нынешнюю жизнь можно назвать жизнью, – посетовал он тогда. – Едва концы с концами сводят. Стешу в мастерские на работу шуряк пристроил, а мальцов в станицу к сродственникам свезли.

– Она тебе сама о бедах своих рассказала?

– Ни в коем разе. Я ей на глаза не показываюся, токо издали наблюдаю. Хотя и не узнает теперь она меня. Я ужо скоко знакомых повстречал, но ни один не признал Аверьяна Калачева.

– А может, тебя как раз сейчас семье и не хватает?

– Моget и эдак быть, – согласился Аверьян, горько вздыхая. – Токо вот... на кой ляд я им таперя нужон? Я ж не мужик и не баба. Я ж таперя калека никудышный, и сам не ведаю, пошто Хосподь мне жизнь сохранил, а хозяйства мужицкова напрочь лишил?

– Да разве шас супруге твоей до «хозяйства» твоего? – усмехнулась Анна. – Она как прожить думает да деток на ноги поставить.

– Ей брат Игнат подсобляет, червяк пронырливый.

– Твой брат?

– Ееный. Мое все братья и сестры, сказывают, с Дутовым в Китай подались. А сродственники Стешки завсегда голодранцами были. Им с новой властью делить нечаво. Мое ста-ли врагами и бандитами, значится, а ееные все во власть про-лезли! Из грязи в князи, значится. А Игнашка, подлюга, щас, говорят, в ЧК до начальника какова-то дослужился.

– А как он к деткам твоим относится?

– Никак, – нахмурился Аверьян. – Смертным боем лущу-ет вражина. На двор, сказывали, вывел и давай с плеча нагай-кой стегать! Мальчонки криком кричат, а он... Ладно Стеш-ка вовремя подоспела, а то энто рыло пьяное до смерти бы мальцов забило!

Аннушка слушала с широко открытыми глазами, в кото-рых застыли боль и страдание. Она взяла Калачева за руку и взволнованно спросила:

– Ты хотел бы жить в своей семье, Аверьян?

– Ежели бы я токо мог! – с жаром ответил он.

Взгляд девушки стал задумчив, на губах блуждала вялая улыбка, лицо омрачено. Хотя всю минувшую неделю Аве-рьян думал об одном и том же, сейчас он с трудом собрался с мыслями.

– Анна, – начал Калачев, преодолевая нерешительность, – ты ведаешь, для чево я сюды тебя пригласил?

– И да, и нет, – ответила девушка, глядя на реку.

– Как энто? – не понял он.

– Думаю, что на сердце слишком много грязи накопело, – предположила Анна. – Видать, вылить захотелось?

Аверьян озабоченно нахмурил лоб.

– Обспросить тебя кое об чем хочу я, – сказал он, глядя поверх головы девушки. – Ты вот как к скопцам прибудилась?

Хотя над городом уже сгустились сумерки, Аверьян заметил, как смутилась и густо покраснела его собеседница.

– Не желаю я говорить об том, – сказала она наконец, пожившись. – Из Тамбова пришли мы. Шли в Саратов, а пришли в степи оренбургские. А што? Ивану Ильичу тута понравилось. Он навсегда здесь обосноваться мыслит!

– Знать, мало из тебя Ивашка кровушки попил, раз ты ево все ешо по отчеству величаешь, – усмехнулся Аверьян.

– Еще бы, – вздохнула Анна. – Иван Ильич в Тамбове почитаемым человеком был! Купцом первой гильдии! В своем доме он и скопцам приют давал. Много их у него тогда проживало. Многие «голуби» тогда все богатства свои Ивану Ильичу доверяли. По завещаниям тоже все ему опосля отписывали. А когда слуги царя-супостата все у скопцов потнимали, а самих в Сибирь сослали, то... Все, больше не хочу говорить о том! – девушка нахмурилась, подняла с земли камень и с силой запустила его в реку.

– А ты? Как же ты с ними повязалась? – настаивал Аверьян. – Но не может быть тово, што подобра и согласию?

– Я все время у Ивана Ильича в прислужницах была, –

нехотя пояснила девушка. – Привыкла я к нему и привязалась. А куда сиротке деваться? Теперь куда Иван Ильич, туда и я, горемычная.

– Тогда почему он оскотил тебя, милая? – удивился Аверьян. – Столько времени за собой таскал, а оскотил совсем недавно?

– Все, замолчь, уйду а то, – зло прошептала Анна. – Больше не хочу болтать об этом!

– А Агафья и Акулина с вами пришли? А Стахей, Савва, Авдей?

– Тожа с нами.

– И пошто тады Ивашка меня от смерти спас?

– Никогда он не говорил об этом. Сам у него спроси, если интересно.

Анна замолчала и ушла в себя. Сколько Аверьян ни задавал ей вопросов, она угрюмо отмалчивалась и отводила взгляд. Только когда наступило время прощаться, девушка вдруг взяла его за руку и посмотрела в глаза.

– Иван Ильич человек хороший и добрый, ты не думай, – сказала она. – Только вот невлюбил он тебя. Ума не приложу почему, но он готов тебя со свету изжить!

– Меня? За што? – удивился Аверьян.

– Лучше не спрашивай, а поберегись, – ответила Анна, собираясь уходить. – Чую я, что он чего-то супротив тебя замысливает, вот только что? Ума не приложу.

Она повернулась и ушла, оставив Аверьяна на берегу реки

в полном недоумении.

* * *

Прошло две недели. Все это время Аверьян, Егор и его племянник провели в торговой лавке. Питались они там же, радения посещали поочередно.

Каждое утро начиналось с того, что Егор Мехельсон вставал у двери и любезным взглядом встречал и провожал горожан, проходивших мимо. Если вдруг кто-то останавливался перед входом, он готов был из кожи вон вылезти, скаля угодливо зубы и приговаривая:

– Зайди внутрь, мил человек, и выбери товар, достойный тебя! В нашей лавке все недорого, только зайди и убедись сам!

Если человек, поддавшись уговорам, заходил в лавку, чтобы приглядеться, Мехельсон тут же развивал бурную деятельность. Он и Васька ловко и настырно обхаживали покупателя, следя за каждым его жестом. Еврей то и дело окликал Аверьяна, который из подсобки подносил товары и раскладывал их на прилавке.

В подобных хлопотах проходили дни. Худо-бедно, а дело потихонечку набирало обороты. Егор Мехельсон хоть и выматывался за день, но к вечеру ликовал. Он открывал кассу, извлекал из нее конторские книги и долго щелкал на счетах. Затем хмурился и вздыхал, причитая, что торговля могла бы

идти значительно лучше.

– Слишком дешево, – вздыхал Егор, убирая счета. – Если продавать по ценам нынешним, лучше, конечно, пойдет. Но надо сначала помалу завлечь покупателя, а потом незаметно поднять и нашу цену. Вот тогда все наладится!

Его заманчивые прожекты прервал неожиданно появившийся в лавке Ивашка. Взгляды Аверьяна и «Христа» встретились. Калачеву ничего не оставалось, как выйти из подсобки навстречу кормчему.

– А-а-а, Иван Ильич, родненький! Никак не ожидали вашего сегодняшнего посещения! – Егор ткнул локтем в бок племянника, и тот быстро поднес хозяину табурет.

Ивашка присел перед прилавком и, сложив на груди руки, выжидательно посмотрел на Мехельсона. Тот схватил товарную книгу и трясущимися руками поднес хозяину. Егор пошевелил губами, собираясь что-то сказать, но Ивашка уже раскрыл ее.

– Торговля налаживается, Иван Ильич, – проговорил вкрадчиво Мехельсон, пытаясь прочесть на лице хозяина настроение. – Мало-помалу, но...

– Да, да, судя по записям, дело сдвинулось с мертвой точки, – Ивашка водил указательным пальцем по исписанной странице. При этом он все время поджимал губы, будто ему очень трудно было говорить.

Мехельсон метнулся к кассе, выбрал из нее дневную выручку и передал её Сафронову. При виде того, с каким усер-

дием Ивашка пересчитывает наличность и, весь дрожа от жадности, убирает ее в кожаный кошель, Аверьян не мог удержаться от вздоха отвращения.

– Ты вот што, – сказал Ивашка, поманив Егора пальцем. – Ты научил ево торговать? – он кивнул в сторону Аверьяна.

– Когда я продавал, он всегда рядом был, – ответил Мехельсон, недоуменно глядя на хозяина.

– Как мыслишь, без тебя справится?

Егор пожал плечами:

– Если только племяш подсобит...

– Я тебе другое дельце приготовил. Там твоя жидовская хватка нужна. Давай передавай товар Ваське и Аверьяну, а сам айда за мной...

* * *

Наступил август.

Торговля в лавке начала давать хорошие результаты. Ежедневная прибыль, невзирая на надвигающийся голод, составляла внушительные суммы. Аверьян удачливо и ловко работал за прилавком, а Васька носился в подсобку за товаром. Вытирая вспотевший лоб, весь возбужденный, он восхищенно спрашивал:

– На скоко севодня продали, дядя Аверьян?

А когда тот отвечал, паренек весь светился от радости и приговаривал:

– Ну ты даешь, дядя Аверьян! Егор вон, дядяка мой, хоть с малолетства торговлишкой промышляет, но ему за тобой не угнаться!

А сегодня малец спросил такое... Хотя у Аверьяна по случаю оживленной торговли не сходила с лица дежурная улыбка, сердце изнывало от непонятной тревоги из-за васькиного вопроса: «Аверьян, а ты веришь ли в Бога, которому православные поклоняются?». Те несколько месяцев, которые он провел в секте скопцов, Калачев не был уверен в этом, а теперь почувствовал необходимость в пересмотре этого мнения. Сегодня он вдруг увидел в себе другого человека – не одураченного учением секты, одинокого и пропащего, а думающего о Боге и искренне верящего в Него.

У Аверьяна появилось ощущение пребывания в нескольких шагах от истины – оставалось только пройти их, чтобы постичь ее. Он не понимал, что на него нашло. Может быть, благодать небесная? Жизнь среди скопцов и влияние Ивашки изменили его. Поддавшись однажды им, он удалился от Бога истинного, настоящего, и страстно возжелал раскаяться и вернуться к ясности.

У него на лице заблестели капельки пота. Вся жизнь промчалась перед глазами, как у человека, собравшегося умирать. Он увидел ее так ясно, будто произошедшее вчера. Все потеряно... Аверьян почувствовал невероятную физическую усталость. Чтобы поднять дух и разогнать кровь, он решил прогуляться.

– Пойду пройдуся, – сказал он Ваське. – На душе што-то муторно.

Калачев привычно побрел в сторону реки, прохожие бросали на него любопытные взгляды. «Я, наверное, гляжусь, как пугало», – подумал он. Эта мысль доставила ему сейчас некоторое успокоение.

Его сердце забилося сильнее, когда он остановился у ворот своего дома. Аверьян долго наблюдал за крыльцом и окнами, желая увидеть хотя бы издали жену и детей. Он долго никак не мог решиться на этот шаг, но сегодня...

– Эй, горемыка, чево у моей избы топчешься? – услышал Калачев недружелюбный окрик. – Ты чево здесь вынюхиваешь? А может, избу купить хочешь?

– Нет, нет, – ответил он незнакомцу в кожаной куртке. – Я ужо ухожу. Не серчай Христа ради.

– Нет уж, теперь обожди, тля огородная, – ухмыльнулся тот, обходя Аверьяна и преграждая ему путь к отходу. – Шчас мы документики твои поглядим и ближе познакоимся.

Он посмотрел по сторонам – нет ли поблизости любопытных, выхватил из кабуры маузер и приставил ствол к горлу Аверьяна.

– Токо не ори! – предупредил зловещим шепотом налетчик. – Отдай мне деньги, и с тобой ничево не случится. Только быстро соображай, мешочник, не то...

Аверьян не шевельнулся. Неожиданность нападения ошеломила его, даже голова слегка закружилась.

Бандит для убедительности надавил стволом пистолета ему на горло.

– Деньги отдай, проклятый! Думаешь, я не знаю, сколько ты в своей лавке на рынке заколачиваешь? Я упрашивать тебя не собираюсь, – заверил он. – Хлопну как врага народа и одежду твою обыщу!

– Спрячь пистоль, Игнаша, – сказал Аверьян, немало не напуганный действиями налетчика. – У меня нет при себе ничего ценного. Так што стоит ли грех на душу за непонюх табаку брать?

– Ты откель меня знаешь, торгаш недобитый?! – Игнат пришел в ярость, он явно не узнавал зятя. – Нам не о чем с тобою судачить, контра недобитая. Документ давай, коли денег нету, и не дури, без шалостей, ежели не хотишь пулю в бошку!

Свободной рукой он схватил Калачева за пиджак и так рванул его на себя, что отлетели пуговицы. Аверьян, позабыв о привычной уже покорности, резким движением перехватил руку с маузером у своего горла. Игнат растерялся. Он не ожидал такой прыти от «торгаша и буржуя недобитого». А между тем зять завернул ему руку и легко, как у ребенка игрушку, отобрал пистолет.

– А я слыхал, што ты в ЧК служишь, шуряк, а ты вона... разбоем промышляешь, паскуда!

К Аверьяну перед лицом опасности явились былая отвага и уверенность, так долго подавляемые в нем Сафроновым.

Он снова обрел себя, пусть хотя бы на время.

Калачев все еще держал Игната за вывернутую руку.

– Хосподи, да отпусти ты меня! – взмолился негодяй. – Разве не видно, што пошутил я?!

Аверьян посмотрел на его искаженное болью и страданиями лицо.

– Што ты хотишь от меня, оборотень? Пошто эдак мучаешь?

Куртка Игната распахнулась, и Аверьян успел заметить за поясом штанов рукоятку еще одного пистолета.

– Наган? – спросил он.

– Нет, браунинг.

Желая поскорее прекратить мучения, Игнат выдернул из-за пояса оружие и бросил его под ноги Аверьяна.

– Вот и ево забери, товарищ. Токо руку отпусти Христа ради!

– Подними и мне отдай, – потребовал Аверьян.

Игнат присел на корточки, схватил браунинг и протянул его Аверьяну. Тот взял.

– Я могу убить тебя, Игнашка, – сказал он с некоторой отрешенностью и даже ленью.

Тот закрыл глаза и стал покорно ждать. Но Аверьян не выстрелил.

– И убил бы, не будь ты, дерьмо собачье, братом моей Стешки! – он развернулся и пошел.

Держась за плетень у ворот, Игнат проводил его долгим

взглядом, после чего, словно спохватившись, начал громко кричать, размахивать руками и материться. Он не отдавал себе отчета в своем диком приступе ярости.

– Аверьян! – воскликнул он наконец членораздельно. – Как ты изменился, сучья рожа! Но теперь все, тебе от меня никуда не деться, выкидыш песий!

* * *

На следующий день Аверьян не вышел к покупателям. Пока Васька Носов занимался торговлей, он отлеживался в подсобке и размышлял о своем.

Ближе к полудню в лавке не осталось ни одного покупателя. Мальчонка отпросился куда-то на пару часов и ушел.

Несколько минут в лавке не было слышно ни звука. Открылась дверь, раздался стук каблучков.

– Кто там? – крикнул Аверьян, подсакивая на лежанке.

– Это я, – послышался знакомый женский голос. – Позволишь войти?

– Ты осмелилась прийти ко мне днем? – удивился Аверьян и тут же поправился: – Мне казалось, што тебе не можно отлучаться с «корабля»?

– Так и есть, нельзя, но бывает, что и можно! – ухмыльнулась не слишком-то весело Анна. – Может, ты закроешь лавку на время? Или будем разговаривать с оглядками?

Аверьян запер дверь. Девушка вымученно улыбнулась и,

не дожидаясь приглашения, присела, не спуская с Аверьяна настороженного взгляда.

– Ты уж не взыщи, что я вот так вот, не спросясь, приперлася, – сказала она, ничего конкретно не имея в виду. – Просто мне кое-что сказать тебе захотелось, а потом сам суди – что да как!

– Есть хочишь? – спросил Аверьян, указывая на стол. – Я в самый раз перекусить малеха собирался.

На столе лежало несколько картофелин в мундире, луковица, соль, пучок укропа и кусок черствого хлеба... Аверьян смотрел, как девушка очищает картофелину от кожуры, подсаживает ее, ест. То, что он чувствовал, глядя на нее, напоминало панику. Ему хотелось спрятать это чувство, чтобы не выглядеть дурнем.

Они поговорили о том, о сем. Девушка, похоже, была чем-то смущена и никак не решалась высказать то, с чем пришла.

– О-о-о, – сказала она наконец. – Я, наверное, говорю много лишнего?

– Ты сегодня... Я вообще не вразумляю, в какую дуду дуешь.

Анна вскочила и поспешила к выходу. Аверьян увидел, идя следом, как она нервно дергает задвижку. Он подошел к ней.

– Обожди, не суетися, – сказал он, глядя на спину гостьи. – Чево зашла-то? Пошто рвешь и мечешь, будто обсердилась на что?

– Не на тебя я злюся, – залилась слезами Анна. – Иван Ильич... он... он...

– Уж не помер ли часом? – спросил Калачев с надеждой. Девушка всхлипнула:

– Он... он...

– Да што он, дуреха?! – прикрикнул Аверьян. – С ума спятил али ешо што непотребное выкинул?

– Он... он... он полюбовницу новую завел! – ошарашила его невероятным ответом Анна.

У Аверьяна аж рот открылся от изумления. Он смотрел на плачущую гостью не мигая и не верил своим ушам.

– Видать, ты спятила, Аннушка? – выдавил из себя Калачев, поглядывая на нее недоверчиво. – Ведь быть такова не может?!

Вместо ответа девушка зарыдала еще громче. Размазывая по щекам слезы, она воскликнула:

– Разве до шуток мне теперь? Он... он... он снова за старое взялся. А ведь обещал! Клятвенно!

– Ежели не он и не ты спятили, то, выходит, рехнулся я! – Аверьян задыхался от волнения. – Да он же оскопленный? Да он же кастрат, как и все мы, без мужских причиндалов?! Да он...

– Это вы все дурни оскопленные! – истерично взвизгнула Анна. – Иван Ильич все «причиндалы» при своем теле содержит! Так-то вот!

– Постой, – закричал на нее Аверьян. – Ты бреши-бреши,

да меру знай! Ивашка не может быть неоскопленным! Он же есть сам «Христос на корабле скопцовом»?

– Да он никогда скопцом и не был, дураки вы набитые! – нервно рассмеялась девушка. – Он всегда был купцом и уважаемым человеком, верховодил скопческим кораблем на Тамбовщине, хотя других оскоплял с превеликим удовольствием!

– Так значит, – прохрипел Аверьян сорванным от сильнейшего волнения голосом. – Но для чего он людей калечил?

– Для того, чтоб «Христосом» промеж них слыть и подчинить всех своему влиянию! – ответила Анна с ожесточением. – Если люди стремились на «корабль» скопцов, чтобы выжить, то Иван Ильич оставался на нем, чтобы стать сильнее и богаче! Скопцы завещали свое имущество, и купец Сафронов обогащался! Вот как!

Аверьян едва удержался на ослабевших ногах.

– Ты хочишь сказать, што Ивашка богат немеряно?! – спросил он, бледнея.

– Да, – ответила Аннушка. – С его деньжищами... – она вдруг осеклась и замолчала, видимо, боясь сболтнуть лишнее.

Но Аверьяна не волновали несметные богатства лжепророка. Ему вдруг захотелось узнать как можно больше о нем самом и почему это он вдруг...

– Выходит, Иван оскоплял людей, себе подчинял, бошки им дурачил, а сам... – Аверьян вдруг посмотрел на девуш-

ку страшным, не обещающим ничего хорошего взглядом: –
Постой, а для чего ты мне все это порассказала, Анна?

– Захотела, чтобы знал ты, – призналась она, опуская глаза
в пол.

– Кроме Ивашки еще неоскопленные в секте есть?

– Все оскопленные, кроме него.

– А кроме меня еще кто знает об том, что ты мне поведала?

– Все знают, кто с нами из Тамбова прибыл.

– И не возмущаются?

– А кому это надобно – голос возвышать на руку дающую?

Аверьян, чтобы устоять на ногах, оперся на прилавок. Голова гудела, пот струился по лицу, язык прилип к небу. Он во все глаза смотрел на бледное лицо гостьи, пытаясь отыскать на нем хоть намек на подвох. Но как ни старался, так и не увидел и тени затаенной насмешки. Весь ее опустошенный вид говорил, как далека она от каких-либо шуток.

– Когда Иван Ильич тебя по дороге подобрал, – неожиданно прервала молчание Анна, – все уверены были, что не жилец ты. Вот он и решил из тебя осколок вынуть, а заодно и оскопить. Боялся позабыть, как это делается, вот и решил...

– А я вот взял и выжил, – скрипнув зубами, прошептал злобно Аверьян.

– Иван Ильич всем сказал, что он сотворил чудо, – продолжила Анна. – Всех убедил, что если бы не оскопил тебя, то ты бы обязательно помер.

– Выходит, я ему еще и подыграл, – еще громче и злее проговорил Калачев. – Помощь Хоспода Бога истинного он записал на свой счет?

Анна всплеснула руками.

– Хосподи, Аверьян, ты только Ивану Ильичу о сеем не говори, – зашептала она взволнованно. До нее, видимо, только дошло, что она наговорила-таки лишнего. – Он... он...

– Ничего не скажу никому, не трясясь, – заверил ее Аверьян.

Они помолчали.

– Мыслю, ты явилася предложить мне што-то? – спросил Аверьян, посмотрев на притихшую девушку. – Или мне сее почудилось?

Та кивнула.

– И што же, дозвошь узнать?

– Язык не поворачивается.

– Убить Ивашку задумала?

– Упаси Хосподи! – ужаснулась Анна.

– Тады што? Может, кастрировать, как он всех нас?

– Да.

– Ишь ты. А пошто ко мне с эдакой просьбой обратилася?

– Потому, что только ты сделать это сможешь!

– И ты для тово мне все понарассказывала, штоб привлечь на свою сторону?

– Да.

– Но с чево ты взяла, што я соглашуся на энто?

– Потому што сыновей твоих он оскопить собирается, – ответила девушка, видя, как потемнело лицо Аверьяна. – И еще жену твою, Стешу, полюбовницей делает. Ежели не хотишь мне помочь, то...

– Я убью ево! – взревел Аверьян. – Я ему не токо яйца отрежу, я ему все, што промеж ног болтается, с корнем выдеру! Я...

Аверьян вдруг увидел на пороге Ваську, и оставшиеся угрозы застряли у него в горле.

– Как ты вошел? – спросил он. – Дверь ведь была закрыта?

– Ты что-то путаешь, дядя Аверьян, – улыбнулся мальчуган. – Когда я подходил к лавке, из нее покупатель вышел... А может, это вор был, дядя Аверьян?

– Я, пожалуй, пойду, – засобиралась Анна. – Вы уж без меня тут разберетесь, кто тут заходил в лавку.

– Хоть убей, но я ничего не слышал, – нахмурился Аверьян. – А ежели хто и заходил, то пошто бутто вор тайно и скрытно?

Проводив девушку, Аверьян и Васька переглянулись.

– Што делать будем? – спросил первым подросток.

– Ясно што, пропажу искать, – ответил Аверьян задумчиво.

– Но в руках у нево ничаво не было...

Аверьян задумался. Не верить Ваське у него оснований не имелось. Но как этот человек открыл снаружи внутренний засов и незаметно проник в лавку? Он даже, видимо, не по-

боялся быть пойманным. И зачем?

– Слышь, Васек? – обратился он к мальчику. – А как тот покупатель одет был, не запомнил?

– Как же, запомнил, – ответил Васька, хмуря озабоченно брови. – Пинжак кожаный на нем и фуражка тоже из кожи.

Больше вопросов мальчику Аверьян не задавал.

Откровение Анны повергло Аверьяна в трясину жесточайшей депрессии.

– Хорошо хоть живой ешо, – озабоченно рассуждал Васька Носов, глядя на Ивашку Сафронова, зашедшего навестить больного в лавке. – Почитай всю ноченьку горел, как сковородка на керогазе.

– А што будет, ежели он скопытится прямо здесь? – спросил озабоченно Савва.

– В лавке его оставим или в больницу свезем? – поинтересовался Мехельсон, озабоченно вертя по сторонам хитрыми глазками. – Если люди прознают, что в лавке хворый, да еще умирающий – конец торговле!

– Нам он эдакий тожа не нужен, – пробубнил Савва. – А вдруг позаражает нас всех?

– Не в больницу, а к нам ево перевезем и знахарку позовем, – подвел черту под разногласиями своим веским словом Ивашка. – Оскопленный он, аль запомняли вы об том? Поглядят на нево дохтора больничные, опосля слава об нас дурная пойдет, бутто своих адептов в беде и хвори бросаем!

Аверьян лежал на стареньком диване в подсобке, укрытый одеялом, не отрывая неподвижного взгляда от потолка, тихий и неподвижный, как покойник. После снадобий и отваров озноб его утих, жар спал, а тело в испарине стало вялым.

Им овладели блаженство и покой.

Единственное, что тревожило душу, – воспоминание о детях и жене. Он никогда так сильно не тосковал по ним и никогда так не сгорал от острого, непреодолимого желания увидеть Стешу. Сейчас он воспринимал все намного глубже. свою любимую – как преданную и брошенную жену, а возвращение к ней – как очищение от скверны.

Дрожь глубокого необъяснимого предчувствия пробежала по телу. словно в последнюю минуту ухватился он за руку спасения, протянутую кем-то с небес! Сегодня он окончательно, навеки освободится от ужасного, страшного сна, который являет собой действительность. А впрочем, эта действительность – так ли уж страшна и ужасна? Не замыслили ли Бог и Судьба эдак вот испытать его? Не постиг ли он теперь вещей, о которых стоило поразмыслить давно, проникнуть в суть?

* * *

За те три дня, которые Аверьян провел в молельном доме, он успел оправиться от болезни и встать на ноги. Но непонятное окружающим равнодушие не покидало его. «Пушай Ивашка оскопил меня, – думал он, – но што энто изменит теперь? Ведь яйца и елду в обрат не воротишь? И прошлова не вернуть!»

Анна гневалась на Калачева. Он словно раздвоился после

болезни. Аверьян-скопец – потерянный, вялый и равнодушный. Аверьян рядом с ней – человек, способный к действиям и рассуждениям. А в общем и целом, Аверьян для всех – загадка.

– Пойми, – убеждала она. – Он же искалечил тебя. Твою жену полюбовницей сделал. Сыновей твоих к вере скопцовской приобщить собирается. Остановить его надо!

Аверьян упорно отмалчивался. Но Анна не прекращала попыток вывести его из апатии. Она увещевала, сочувствовала, наконец, бранила на чем свет стоит. И однажды в упор спросила:

– Скажи-ка мне наконец, Аверьяша, мужик ли ты или тряпка?

– Я то, што из меня сделали. Я скопец, – ответил он угрюмо. – Куды бы я ни пошел, што бы я ни сделал, всюду Ивашка, будто тень бесовская, што за грешником завсегда везде ходит.

Калачев, кажется, впервые прямо посмотрел в глаза девушки, и она поняла, как тому действительно тяжело. Она взяла его за плечи и встряхнула:

– Ты знаешь, что я правду говорю. И когда я злюся, то режу правду-матку не за глаза, а прямо в лобешник!

Аверьян, удивленный новыми неожиданными интонациями в голосе девушки, поежился и трогательно вздохнул. Будто разрушительный смерч пронесся в его душе. Он опять вспомнил детей и Стешу. Нестерпимая боль сдавила грудь.

Мужчина взялся руками за голову, ушел в другую комнату и заперся там.

На другой день, вечером, он встретился с Анной на улице, за забором, взволнованно поздоровался, торопливо предложил ей отойти куда-нибудь, где меньше народу.

– Возьмем лошадей, – предложила Анна. – Мальцы к реке собираются купать лошадок. А вместо них мы с тобой поскачем...

* * *

Уже стало смеркаться, когда они доехали до реки. Напоив лошадей, стреножили их и отпустили. Затем уселись прямо на песок у воды.

Прозрачная вода сверкала у их ног, и было видно белешие на дне камешки. Над головою розовело закатное небо. Неподалеку слышалось довольное похрапывание пасущихся лошадей.

– Век бы отсюда не уходила, – грустно прошептала Анна. – Однако уж скоро ночь ...

– Ну и што с тово? – с безразличием отозвался Аверьян. – Пушай себе настает. Нам-то што? Чай не заплутаем, кады в обрат поскачем?

Анна взяла его руку и прижала к своей груди. Они некоторое время любовались закатом, наслаждаясь тишиной и покоем темного летнего вечера.

– Все равно нам придется возвращаться на «корабль» наш сухопутный, – сказала она. – Сегодня большое радение. Наверное, еще ково-нибудь оскопят.

В ответ Аверьян пожал ее руку.

– Посидим еще. Не бойся, в прелюбодеянии не уличат, – ухмыльнулся он. – Им всем щас не до нас.

Анна повернулась к нему вполоборота и усмехнулась.

– Что-то я не пойму никак, Аверьян, тебе что, вместе с яйцами мозги оттяпали? Я тебе уже вталдычивать устала, что жена твоя и дети в опасности, а ты... Ты почему от них отрещиваешься, скажи? Они же зернышки из семени твоего, Аверьян? Ты должен оберегать и защищать их!

– Не морочь мне голову, Анна! – огрызнулся он, начиная заводиться. – Теперь я ломоть отрезанный. А ешо сумлеваюся в том, што Стешка нужду по мне испытывать станет, кады прознает, што оскопленный я.

– А дети? Оне же калеками станут? Или тебе не жаль их вовсе?

Аверьян обхватил голову руками.

– А што дети... – вздохнул он. – Одно дело – жить со скопцами в сытости и радости, а другое – ютиться в лачуге с дырявой крышей и голодным пузом. Война, разруха... Разве по-собачьи жить лучше?

– Война и разруха уйдут, – возразила Анна. – А твои мальчики... Они очень сообразительные и способные, но если Иван Ильич будет усердно вбивать в их головы свои посту-

латы, то все в их жизни может закончиться плачевно... Твоя жена и дети уже участвуют в радениях, и начинают верить, что учение скопцов должно стать просто целью жизни всякого нормального человека.

– Ну што ты от меня хотишь, Анька? – взмолился Аверьян. – Меня и слушать никто не станет...

– Жену и сыновей ты должен отвадить от скопцов, – настаивала девушка. – Сам, черт с тобой, живи, как хочешь, а своих ты должен отвратить от скопцовской веры! Но следует быть осторожным, а то Иван Ильич объявит тебя «демоном» или кем похуже.

– Никак не вразумлю, пошто он ешо не поступил эдак? – улыбнулся Аверьян.

– Ты должен помочь мне оскопить самого Ивана Ильича! – вдруг твердо заявила девушка.

– Дык ты не отказалась от этой паскудной затеи?

– Я даже подумываю уже, не убить ли его, если кастрировать не удастся. Не будет Ивана – и секта распадется. Никто не сможет заменить его на скопцовской посудине!

– Все энто суэта, – покачал осуждающе головой Аверьян. – Он помрет, а куды все мы денемся? Али ты запомовала?

– Не хочешь помочь, я сама управлюсь, – вздохнула Анна. – В отличие от тебя у меня есть цель в жизни, и я достигну ее, чего бы мне то ни стоило!

Когда они оседлали лошадей и поскакали обратно, уже со-

всем стемнело. Ярко светила луна, и ее света хватало, чтобы легко различать дорогу.

* * *

Уже несколько месяцев минуло, как Аверьян вместе со скопцами поселился в городе Бузулуке. Встречу с женой и детьми он мучительно оттягивал день за днем. Среди скопцов чувствовал себя тоже неуютно – не доверял им. Сектанты платили ему той же монетой...

Калачев шагал по улице, опустив голову, погруженный в раздумья. Люди, обгоняя его, спешили по своим надобностям, он не обращал на них внимания. В голове кружились невеселые мысли: Аверьян никак не мог найти для себя хоть какого-то приемлего решения.

Проходя мимо закрытой и разграбленной церкви, он остановился: из ворот вышла Стеша и, не взглянув в его сторону, двинулась к вокзалу. У него заскребло на сердце. Перед глазами возникло венчание, дом, дети.

И вдруг Аверьян понял, почему Стеша выходила из церкви!.. Он прибавил шаг и последовал за ней. Где-то в глубине души зарождалось смутное, до сих пор неизведанное чувство: будто он очищается от скверны и наполняется чем-то хорошим.

Шагавшая впереди жена неожиданно резко обернулась:
– Здравствуй, Аверьян.

Он едва не налетел на нее всем телом, не успев остановиться. Стеша, к которой все это время он боялся даже приблизиться, стояла прямо перед ним в простеньком сарафане, с белой косынкой на голове, раскрасневшаяся и красивая.

– Думаешь, што я не углядела тебя у церкви? – сказала она не очень-то приветливо. – А я видела, што ты за мной топаешь. Што, совесть загрызла или соскучился?

Щуря глаза, она смотрела на Аверьяна с ожиданием. Но он ограничился только неловким пожатием ее руки.

– Не серчай, я задумался и... не сразу заметил тебя.

– И об чем же думы твое? – Стеша уже не могла скрыть обиды, и из ее глаз показались слезы.

– Дык энто... Суета разная, – Аверьян мямлил, как пойманный с поличным жулик. Он был растерян и не замечал ни обиды жены, ни слез.

– Суета значитя?! – теперь Стеша взглянула на него открыто и осуждающе. – А я-то грешным делом подумала, што ты о семье вспомнил? А я уже тебя похоронила, кот ты блудливый.

– Ежели похоронила, знать, долго проживу, – хмыкнул Аверьян. – Люди эдак говорят, я сам слышал. А домой вернуться я завсегда мечтал и мечтаю!

– Тады пошто прячешься по закоулкам, бутто пес бездомный? Мне люди уже давно сказывали, што тебя, козла, зрили, а я не верила им, дура бестолковая.

Аверьян взял жену за руки, отвел в сторону.

– Понимаешь, – сказал он ей, глядя в глаза, – не мог я домой вернуться. Не мог! – Лицо у Аверьяна стало серьезным, он покачал головой пряча глаза. – Неужо я для жизни семейной таперя. Я не ужо тот Аверьян, каковым ты меня знала и помнишь.

– А какой же ты стал? – чуть отступив назад, Стеша осмотрела его придирчивым взглядом с ног до головы. – Не золотой, гляжу, и не серебряный? Што в тебе эдакова, што выше нас себя ставишь?

Аверьян устремил взгляд на церковный купол, возвышающийся за спиной супруги. Фуражка у него съехала на затылок, волосы прядями упали на лоб, а лицо стало сосредоточенным и злым.

– Ты што, оглохла? – грубо прикрикнул он на Стешу. – Я разве непонятно сказал? Ступай домой, баба чертова, опосля загляну и все обскажу сызнова!

– А нет у тебя дома, понял? – воскликнула в сердцах супруга. – У мя документ имеется, што сгинул ты, пропал без вести! Вот и проваливай туда, откель заявился!

Стеша резко развернулась и ушла. Аверьян тоже поспешил унести подальше ноги, чтобы не заострять на себе внимания прохожих.

Раздраженный до крайности, он вернулся в молельный дом, когда сгустились сумерки. Его встретила обеспокоенная Анна. Из подвала слышались пение и грохот ног. Скопцы радели.

Аверьян умылся, сел к столу. Девушка молча поставила перед ним еду.

– Где шлялся? – спросила, глянув на него исподлобья. – В лавке тебя не было. Может, семью навещать ходил?

В ее голосе слышался упрек. Аверьян ответил ей так же:

– Стешку встретил. В церковь ходила.

– В какую еще церковь? – не поверила Анна. – Большевики все церкви позакрывали.

– А она внутрь не заходила. У дверей помолилася и в обрат. Нас в этой церкви венчали с ней. Бутто вчерась сее было.

– И ты думаешь, я поверю в твою брехню? – резко оборвала его девушка.

Не желая больше пререкаться, Аверьян присоединился к радеющим. Вступив в круг, он затопал ногами с непонятной для себя яростью. Пение скопцов, как всегда, прорвалось к самой заветной струне его сердца. Мелодия напева звала его куда-то, потом, словно лава извергшегося в лоно реки вулкана, шипя, рассыпалась тысячами осколков в клубах пара... Но что это вдруг с ним? Нет, не слабость! В нем снова проснулась непокорность судьбе, надежды и чаяния!

«Стеша теперь обо всем знает. Я сказал ей...» Должно быть, эти слова он выкрикнул вслух и начал еще исступленнее топтать ногами. Его охватил кураж!

Кто-то тронул его за плечо. Аверьян почувствовал это, но продолжил свою бешеную пляску. Однако человек, который пытался привлечь внимание, схватил его грубо за руку.

– Што надо?

Калачев открыл глаза и глянул на наглеца.

* * *

– Значит, вот ты хде окопался, зятек! – ухмыльнулся Игнат Брынцев. – А мы уж с сестрой схоронили тебя, Аверьяша. – Он уже раскинул руки для родственных объятий. – Когда ты мне руку чуть не сломал, я ешо сумлевался – ты или не ты! А теперь... Аверьян! Аверьяха!

Калачеву ничего не оставалось, как ответить приветствием на показную радость шурина. Они обнялись, пожали друг другу руки.

Брат Стеши совсем не изменился. Его волосы начали терять былую густоту, но в остальном он остался по-прежнему все тем же остроумным пройдохой и мошенником.

– Значит, к «кораблю» скопцов причалил? – противно хихикнул Игнат. – Вот чего-чего, а эдакой дурацкой выходки я от тебя не ожидал!

– У каждова своя стезя, – проговорил нехотя Аверьян. – Зато у тебя, судя по виду, все прекрасно?

– И у меня всяко было, покуда тебя хде-то черти носили, – уколол его Игнат. – За жинкой твоей вон приглядывал, штоб не скурвилась. Детишкам подсоблял всяко-разно. И твоя, и моя семьи... – все на одних плечах! А жрать каждый день все хотят. Вот и приходилось выворачиваться.

– Зрил, как у тя энто получается, – подковырнул Аверьян. – От разбойника с большой дороги не отличишь!

– Энто я так, шутканул со скуки, – не смутившись, тут же нашелся Игнат. – Подозрительным ты мне показался, вот и решил проверить!

– А в лавку пошто тайком заглядывал? – спросил Аверьян. – Не мог по-человечески зайти, как все?

Игнат посмотрел на него как на умалишенного:

– О какой ешо лавке ты мне тут впариваешь? – округлил он глаза. – Сам посуди, для чего мне тайно вкрадываться куда-то, ежели я и не спросясь, по долгу службы, в любую избу и в любой магазин войтить волен?

– Вот и я эдак же подумал, – кивнул Аверьян. – Однако ты почему-то тайно удумал.

– Ты што, меня видел? – побагровел Игнат.

– Нет, не я. Но видели, – честно признался Аверьян.

– Обозналися, значит, – ухмыльнулся негодяй. – Эдаких, как я, в городе много ходит!

Он схватил Аверьяна за руку, оглянулся, отвел его подальше и сказал, понизив голос до едва слышимого:

– Знаешь што, зятек мой любезный, я ведь сюды по делам службы заглянул. Усек?

– Што усек? – не понял Аверьян.

Игнат, надуваясь от важности, продолжил непрерывную цепочку замечаний и поучений.

Как только он замолчал, чтобы перевести дух, Аверьян,

выждав момент, спросил:

– А какие могут быть у тебя дела в молельном доме? Грехи пришел замаливать или ешо по каким сурьезным вопросам?

– Да так, поглазеть на сборище вашенское заглянул, – уклонился от прямого ответа Игнат. – Определить вот хочу, пора вас гнать взашей али погодить малость?

– А я вот подумал, ты за пистолетом своим заявился?

– И за ним тожа. Не сумлеваюся, што ты мне его щас отдашь.

– А ежели нет? Што тогда?

– Тогда в другом месте разговаривать будем. Только после разговора тово смертной казни через расстрел тебе не избежать! – Игнашка говорил, подчеркивая каждое слово, как будто предъявлял ультиматум враждебной стороне.

– Энто ты моих мальцов сюды приваживаешь? – спросил Аверьян, хмурия брови. – И Стешу под Ивашку тожа ты подсовываешь, шкура продажная?

– Я? – Игнат нервно рассмеялся, видимо, вопрос попал в самую точку.

– Ты, хто ж ешо, – пронзил его грозным взглядом Аверьян. – Уж кому-кому, а мне доподлинно известно, што добродетели тебе неприемлемы. Ты к скопцам мою семью сбегрить хотишь, штоб зараз моею избою и пожитками завладеть.

– Вот уморил, кастрат несчастный! – хохотнул Игнат. – Да твоя изба давно уже моя, понял! Вот токо и в мыслях не

держал, што ты живым возвернешься.

Калачев даже в темноте ночи почувствовал пристальный взгляд шурина. Он знал и помнил этот взгляд. Возможно, у Игната есть свои причины, чтобы быть здесь...

– Какова хрена ты возвернулся? – спросил Игнат, сплюнув под ноги.

Он был в ярости, и Аверьян чувствовал это.

– Так Хосподу было угодно, – ответил он.

– К скопцам в секту тебя тоже Хосподь твой послал?

Аверьян не ответил. Даже бровью не повел, услышав провокационный вопрос шурина.

– Чаво молчишь, бутто говна в рот набрал? – наседал Игнат, бросая пугливые взгляды в сторону дома. – Чем ты скопцы эдаким приманили, што ты от яиц и от семьи своей зараз отказался?

Калачев промолчал и на этот раз, но на глазах его выступили слезы сильной обиды.

– Ладно, не сердись, – ослабил натиск шурик. – Жив остался – и то хорошо! Раз ты здесь, среди скопцов, значит, у меня есть дело к тебе.

– И тебе понадобится моя помощь? – проглотив ком в горле, поинтересовался Аверьян.

– Верно мыслишь, зятек... – кивнул Игнат.

Аверьян смахнул рукавом слезы. Он вдруг почувствовал себя достаточно сильным, чтобы настаивать:

– Так пошто ты семью мою к скопцам сманиваешь? Эдак

избавиться от них замыслил?

Шурин нахмурился, пробормотал под нос какое-то ругательство и снова сплюнул.

– Не тваво ума дело, – процедил он сквозь зубы. – Подсобишь мне кое в чем, в покое твоих оставлю. Не подсобишь – локти кусать будешь, не обессудь.

Осознав, что скользит по тонкому льду, Калачев решил не сдаваться. Если Игнату понадобилась его помощь, то он, Аверьян, сможет потребовать что-либо взамен.

– Об чем я могу пожалеть, скажи на милость?

– Об том покуда умолчу, – ответил Игнат таинственно.

Аверьян недоверчиво хмыкнул, ему не понравился ответ.

– Тебе што и впрямь хочется знать большева? – насторожился Игнат.

– Я хочу знать, хде мои жена и дети? – сказал Аверьян, чеканя каждое слово.

Его глаза уже привыкли к темноте, и он старался разглядеть лицо шурина в окружающем мраке.

– Нет их нынче здесь, – ответил тот, и голос его, обычно ровный, с легкой бравадой, сейчас был искажен до неузнаваемости. – Но с ними все хорошо, не сумлевайся.

Аверьян все понял: негодяй задумал какую-то аферу. Расчет прост. Он, тайком от Стеши, собирался «продать» ее и детишек скопцам. Сектанты бы их оскопили и тем самым лишили возможности возврата к прежней жизни. А Игнат, без особых хлопот, становился хозяином их имущества. Ес-

ли скопцы попытались бы заявить о своих правах, то с маузером и мандатом чекиста Игнат быстро указал бы им на место!

– Ты кому служишь, иуда? – спросил Аверьян, глядя грозно на шурина. – Видать, ты и чекист, и разбойник заодно! Хороша власть советская, ежели ей вот эдакие проходимцы служат.

Игнат не обиделся, а рассмеялся. Ему даже польстил упрек зятя.

– Энто ты здорово щас сказанул! С таким нажимом, аж дух захватило! А я власти советской достойно служу, не сумлевайся. Я лояльность власти новой возымел. Меня за то обласкали и на службу приняли! Так што не лайся на меня, говнюк кастрированный, и маузер мой обратно возверни! Щас со мной шутки плохи!

– И кем же тебя приняли на службу? – спросил Аверьян. – Пошто здесь околачиваешься, а не дело свое делаешь?

– А энто как сказать... Када ты был казаком, я бы тебе ешо ответил по-мужицки, а щас...

Последняя фраза сразила Аверьяна. Он сжал кулаки и бросил мрачный взгляд в сторону шурина.

– Служба моя в том и заключается, штобы везде разом находиться, – ответил вдруг Игнат и покосился на дверь, из-за которой все еще слышались пение и пляски скопцов. – Мне было велено искать подходящева кандидата на службу Республики советской нашей!

– А я-то здесь с какова бока припека? – прошептал удивленно Аверьян, пытаясь понять, куда клонит шурин. – Ежели што, то к службам я ужо и не пригоден.

– Начальник мой человека велит найти, который одновременно по моему и по ево выбору будет достоин возможности вернуться в общество, имея за собою работу и должное самоуважение. Вот ты в самый раз и подходишь!

– Што, теперя честной народ вдвоем грабить предлагашь? – горько усмехнулся Аверьян.

– Ты серьезно ответить не можешь? – рассердился Игнат.

– Но ведь оскотенный я, сам ведаешь.

– И што с тово? Не человек уже што ль? Без яиц и хрена ешо не значит што без совести, понял? Щас я не жду от тебя ответа. Помимо тебя я ешо с другими на сей щет калякать буду. Но ежели ты согласие дать надумаешь, то я им всем по задницам мешалкой!

Аверьян улыбнулся про себя.

– Ты уразумел, об чем я речь веду?

– Да вроде как.

– Мой начальник нуждается в том, кто будет верно служить Республике и разоблачать еных скрытых врагов!

Лоб Аверьяна покотился морщинами. Подобного ему никогда и никто не предлагал. Игнат быстро почувствовал смущение зятя и решил тут же дожать.

– Сызнова человеком себя почувствуешь, а не вырожденком церковным, – сказал он.

Аверьян пожал плечами:

– Не мыслил я как-то насчет жизни новой, што жить буду без себе подобных, – Аверьян попытался выразить спутанный комок своих ощущений, но, не найдя слов, резко заявил: – Я не мыслю, што снова с жаной и детьми жить буду. Не нужон я ей эдакий! И деткам тоже не нужон!

Игнат ощутил острую боль в голосе зятя.

– Не думай о том, башка садовая, – сказал он. – Ты даже эдакий нужон бабе будешь! Скоко мужиков на войне полегло... Тыщи! А у тя и руки, и ноги есть. Так што живи и радуйся!

– А я потому к скопцам и прилип, кады прознал о своем ранении, – вздохнул Аверьян. – Как я мог эдакий в семью возвращаться? Я заставил себя отречься от нее. Вот и все.

Выслушав это, Игнат дружелюбно улыбнулся.

– Я не хочу лезть в твою жизнь, Аверьян, – начал он. – Хочу вот токо упредить, што в ЧК я служу. А борюся я... Одним словом, мы с тобою вместе против влияния на людей церкви и сект сражаться будем!

– Вот значит как, – прошептал удрученно Аверьян. – А для чево с церковью воевать? Разве церковь враг государству?

– Враг! – твердо заявил Игнат. – И не просто враг, а што ни на есть кровный! Религия отравляет умы, а энто недопустимо в нашей рабоче-крестьянской республике.

– Скоко жил, не знал об этом, – изумился Аверьян. – Ве-

руют в Христа люди, ну и пушай себе веруют. Разве батюшка с кадилом и крестом на пузе может быть врагом вооруженной до зубов власти?

– Тем-то религия и коварна, – усмехнулся Игнат. – Вот кто ты? Верующий? А в ково? Ты верил в Христа небеснова, а теперь веришь в Христа земного. А не грех ли это великий, зятек? Ты ведь хуже предателя...

Последовала напряженная пауза, во время которой Аверьян обреченно вздохнул. Ему потребовалось несколько тягостных минут, чтобы восстановить равновесие.

– Ты не веришь мне и хочишь остаться со скопцами? – протянул разочарованно шурина.

– Сам не знаю, – ответил Аверьян. – Запутался я, Игнашка.

– Вот оно и есть влияние сектантов, – ухмыльнулся тот. – Я тоже долго сумлевался, покуда товарищи не убедили меня в том, что нету Бога! Небеса есть, а Бога нету. Тю-тю, понял!

Аверьян не понял. Он хотел солгать, только какой в том смысл? Все, что нужно – это сказать «да». Но у него засосало под ложечкой:

– А што мне надо будет делать, обскажи, Игнашка? – Калачев взглянул на шурина. Не следовало задавать больше вопросов, но он не мог остановиться. – А скопцы? Ты и твое начальство хотите што-то с ними сотворить?

Игнат посмотрел на него с чувством, похожим на жалость. Аверьян стиснул зубы и отвернулся, чувствуя что сморозил

глупость и сцепив руки в замок, чтобы унять трясучку. Хорошо, что на улице царила ночь, а не то Игнат увидел бы в его глазах всю боль и отчаяние.

– Не изволь сумлеваться, зятек, – ответил, ухмыльнувшись, Игнат. – Нам не нужны жизни сектантов, нам нужно кое-что существеннее... – Он посмотрел на Аверьяна, а тот внимательно смотрел на него. – Ты доволен моим ответом, сродственник?

Аверьян кивнул.

– Подсобишь по-родственному?

Он не ответил, а снова кивнул.

– А теперь ступай, – велел ему Игнат. – Скопцы не должны больше видеть нас вместе.

Аверьян пожал протянутую руку и повернулся, не предполагая, что шурин ухмыляется ему в спину.

– Браунинг завтра верни, – сказал он на прощание. – О нашем разговоре никому не слова...

Незаметно прошло лето.

Калачев сидел, как обычно в полуденное время, у входа в лавку. Стоял ясный сентябрьский день, но Аверьян занимался далеко не торговлей: он обстругивал ножом говяжью ногу и, густо подсаливая мясо, отправлял его в рот.

Мимо лавки проходили две женщины.

– Ну, кума Марья, – сказала одна, останавливаясь и обращаясь к спутнице, – если бы большевики церквя не позакрывали, то севодня в самый раз Рождество Пресвятой Богородицы мы б праздновали. – И женщина указала на купол церкви, возвышавшийся над домами в центральной части города.

– И я об том самом размышляю, Варька, – сокрушенно вздохнула Марья, перекрестившись.

– А я вот скучаю по праздникам христианским, – сварливо затараторила Варвара и яростно зажестичулировала руками. – Пошто им, нехрестям, церкви-то помешали? Молилися люди и молилися себе, а щас што?

– Щас вона сектантам дороженьку порасчистили, – монотонно пробубнила Марья и бросила враждебный взгляд на лавку Аверьяна. – Церквей, стало быть, нам не надо, а скопцам поганым все можно?!

– Ага! Вот видели! – закричала, подбоченясь, Варвара. – Стало быть, скопцы все чисты до единова, будто голубки, и

белы как простыни? Ну? Что на то скажете, люди добрые?

Вокруг них у лавки начала собираться толпа.

– Люди, да што энто творится округ?! – горланила Марья, вдохновляясь вниманием зевак. – Нынче день-то какой, люди?! Рождество Пресвятой Богородицы, а нам сердешным и головы преклонить не перед кем! Скопцы вона што не ночь радеют, подлюги, бутто сам Сатана! И им все зараз пожалуйста! А мы? Пошто нас в храм Божий не пуцают, люди-и-и-и!

– А вона на скопца поглядите! – выкрикнул кто-то из толпы, указывая пальцем на Аверьяна. – Нам, православным, жрать нечаво, а энто пес, поглядите, мосол говяжий обгладывает?!

– Упырь вонючий! – взвизгнула какая-то женщина.

– Глядите, даже не подавится! – подлила масла в огонь Марья.

– Тьфу, тьфу, тьфу! – заплевала Варвара. – И мы, православные горожане, должны все энто терпеть?

– Не станем терпеть! – загорланила разъяренная толпа.

– Кончат их всех за Хоспода нашева!

– Оторвать башку поганцу! – истошно заревела толпа и двинулась на лавку.

Камни, обломки деревьев, комья грязи градом посыпались на дверь. Призывая в помощь «Хоспода», Васька забился в угол под прилавок. Разъяренная толпа была уже готова разнести лавку, и тут...

– А ну назад! – загремел голос Игната Брынцева. – Кто не

отойдет, застрелю именем Революции!

Выглядывавший из-за двери Аверьян увидел, что глаза шурина сверкают, как у свирепой рыси, усы топорщатся, грудь вздымается от гнева.

Толпа в нерешительности остановилась, затем отступила.

– Назад, говорю вам! Чтоб всех вас разорвало в клочья! Сами вон на Хоспода уповаете, а што вытворяете? Чево вам надо от энтова горемыки-торгаша, что он вам сделал, чево беситесь? А ну разойдитесь подобру-поздорову, а хто не внял моем увещеваниям, тому душонку вышибу!

Ошеломленные криком человека с маузером люди на мгновение притихли. Однако при виде спешившего на подмогу вооруженного патруля толпа снова забесновалась и пришла в движение.

– А хто этот хрен в кожанке?

– Долой его!

– Бей его камнями, чтоб пистолем не размахивал!

Кто-то метнул в Игната камень, который едва не угодил тому в голову. Брынцев поднял вверх руку и выстрелил в воздух. Затем направил ствол маузера в сторону того человека, который бросил в него камень...

Подоспевшие бойцы патруля стали протискиваться сквозь возбужденную толпу.

– Что здесь происходит? Какие черти в вас вселились? – кричал их командир, рослый мужчина, размахивая наганом и расталкивая локтями скопище народа. – А ну расходитесь

по-хорошему, пока не применили силу!

Видя, что вооруженные бойцы настроены не менее решительно, чем их командир, толпа стала редеть.

– Давно бы так, – бросил Игнат им вслед.

Подошедшему командиру патруля он протянул мандат. Но тот убрал револьвер в кобуру:

– А ты, товарищ Брынцев, знай, что я доложу о твоих действиях начальству!

– Поступай, как знаешь, – ухмыльнулся Игнат, и глаза его презрительно сузились.

Он повернулся спиной к командиру и, насвистывая что-то под нос, вошел в лавку, где его дождался все еще бледный от пережитого волнения Аверьян.

– Очам своим не верю, – прошептал он, глядя на шурина с нескрываемым уважением. – Я уж мыслил, все... разнесут меня вместе с лавкой в клочья.

– И разнесли бы, не проходи я мимо, – без ложной скромности заявил Игнат. – Щас люди, что волки лютые. Жрать нечево и церкви закрывают. Еще немного, и они от сектантов мокрова места не оставят. – Он посмотрел на Аверьяна и строго добавил: – Слухай, зятек, настает твой черед, об котором мы уговаривались, помнишь?

– Не запомнил ешо.

– Тогда мы уговаривались, что ты исполнишь все, что я ни попрошу, не так ли? Вот и хорошо, коли эдак! А давеча я в самый раз и шел к тебе, чтоб об обещании твоём зараз

напомнить!

Аверьян оцепенел и окончательно пал духом, еле выговорив:

– Што я должен делать, Игнатка?

– Запри дверь.

– Но ты мне об семье моей ничаво...

– Все в порядке с ними, не сумлевайся. Дело сделаем и...

– Давай говори, што надо. Токо грех смертоубийства на душу не возьму, заранее упряждаю.

– А тебе энтова делать и не придется, кишка тонка. Айда-ка ближе, бери табурет, гони из лавки Ваську, а сам слухай да запоминай...

* * *

После того как она встретила Петра и согласилась жить с ним под одной крышей, жизнь с каждым днем все больше открывала перед Стешей свои радости. Она даже не представляла, как жила бы одна, с двумя детьми на шее в этом мире. Не помнила, как мучилась без мужика, не чувствуя его грубых ласк. Но сейчас муж ушел из ее сердца безвозвратно, и его место прочно занял Петр. Если бы Стешу разлучили с любимым, она, наверное, руки бы на себя наложила.

Теперь она счастлива. Петр чуть ли не пылинки с нее сдувает! Он внимательный, обходительный и покладистый. Правда, старше Аверьяна раза в два, но Стеша не замечает

этого. Зато он только и знает, что хвалит ее.

– Радость ты моя! – говорит он, любуясь ею. – Нарadowать-ся не могу, што тебя встретил!..

Ей всегда хотелось любви, но родители, вопреки ее воле, сговорились с родителями Аверьяна и решили судьбы детей. После свадьбы она смирилась и научилась, как все казачки, трезво смотреть на жизнь. Стеша поняла, что едва ли сможет достигнуть своей мечты. Трудно было ей с нелюбимым мужем. Зато теперь ее жизнь изменилась как в сказке и бурлит, чуть ли не выплескиваясь через край. Месяцы и годы бок о бок с Аверьяном кажутся ей кошмарным сном.

Однако сейчас Стеша переживала за свое благополучие, сомневаясь в его устойчивости. Росло счастье, росло и сомнение в душе. Стеша никак не могла поверить, что все это происходит с ней, а не с другой женщиной. Она даже расстраивалась из-за пустяков, боясь, что Петр бросит ее и счастье рухнет в один момент, словно его никогда и не было.

– Не тужи без меня, я скоро, – предупредил он, уходя утром из избы. – Дня через три возвернусь...

В дверь постучали. Стеша встрепелулась.

– Кто там? Входи, не заперто! – крикнула она.

В избу вошла красивая девушка.

– Здеся проживает иногда Иван Ильич Сафронов? – спросила она. В ее голосе и взгляде было что-то странное, пугающее и даже отталкивающее.

– Нет, – ответила Стеша незваной гостье, и у нее поче-

му-то задрожали руки от плохого предчувствия.

– Странно, а я видела, как он из этого дома частенько выходит, – оглядываясь кругом, сказала незнакомка.

– Нет. Здесь проживаю я с детьми и ешо Петр Евстафьевич Коновалов, – поспешила заверить гостью Стеша.

– А ты хто ему? Полюбовница али «сестра»?

– А тебе-то што с тово? – возмутилась Стеша, слегка пожившись под пристальным взглядом гостью.

– Есть дело, – холодно хмыкнула та и, настраиваясь на боевой лад, подбоченилась. – А ты не бойся, не трону. Сейчас кое об чем посудачим и распростимся навсегда.

Стеша растерянно смотрела на незнакомку. Молода, хороша собой. Круглолица, глаза насмешливые – чернее переспелой черемухи.

– Я пришла сюда для того, чтобы объясниться по-доброму, – начала гостью. – Конечно, я могла бы подкараулить на улице и выцарапать твои зенки лубошные. Но так вот, с глазу на глаз, по-моему, мы лучше пойдем друг дружку.

Стеша облизнула пересохшие губы. Волнение усиливалось.

– Будь по-твоему, ежели хошь, – прошептала она. – Теперь выкладывай все, с чем приперлася.

– Только будем серьезны, – предупредила девушка. – Я говорить пришла не потому, что язык чешется, а потому, что свое возвернуть хочу. Скажи, ты когда со своим любовником снюхаться успела?

– Ты што, белены объелась, курва полоумная? – закричала вне себя Стеша. – Ты што энто себе позволяешь?

– Садись, живо! – спокойно, но требовательно произнесла незнакомка. – Я к тебе не лаяться пожаловала, так что уймись и слушай.

Стеша смотрела на нее в упор, стиснув зубы, с горькой ненавистью. От напряжения ее лицо начало покрываться капельками пота:

– Скажи мне, што ты попуталася и не в ту избу нос свой сунула! – взмолилась она, еле сдерживаясь. – Ты не ко мне шла, так ведь?

– Не дожدهшься, – последовал ответ. – Я пришла сказать тебе, что живешь ты во грехе не с Петром Коноваловым, а с Иваном Ильичем Сафроновым!

Это было уже слишком. Стеша вскипела и забушевала.

– Ты што припорола ко мне, профура? – истерически закричала она. – Петю маво от меня отлучить? Может, сама на нево глаз положила?

Гостья покачала головой:

– Нет, я тебя, дуру, уберець от несчастья пришла. Выслушаешь и поймешь, не пропадешь тогда. Но, а слухать и вразумлять не станешь, всю оставшуюся жизнь себя проклинать будешь!

Сафронов сам организовал нападение на лавку. Аверьян, на которого он первоначально возлагал большие надежды, разочаровал его и просто стал не нужен «на корабле».

Подобрав тяжелораненого Калачева в степи, кормчий мыслил слепить из найденыша послушного и преданного последователя! Но жизнь показала, что он сделал ставку не на того. Окончательно уяснив, что из Аверьяна ничего путного не выйдет, Ивашка решил порвать с ним все отношения.

Сафронов не был храбрецом и боролся с неугодными исподтишка, отступая только в тех случаях, когда его проискамы давали решительный отпор; слабака же, не поморщившись, растапывал. Человек с пистолетом неожиданно вступился за Аверьяна, и это озадачило Ивашку, тем более что «защитничка» он не раз видел во время радений.

В душе «Христа» скопцов поселились тревога и плохое предчувствие. И все же, когда он пытался рассуждать трезво, ему становилось очевидно – если и угрожает какая-то опасность ему и секте, то только не от безвольного увальня Аверьяна, а со стороны таких людей, которые пока предпочитают не высовываться.

Недавно он думал, что секта не может существовать без него ни единого дня, даже ни одного часа. И вот – постепенно убеждается, что власть над кастратами ускользает из рук,

заведенные традиции отмирают, а на смену им... уже ничего не приходит, и это очень злит и настораживает! Горожане раздражены закрытием храмов и мечетей. А молельный дом скопцов их сильно раздражает. Может разразиться катастрофа, если не укрепить свой еще не угасший авторитет, пока его имя окружено ореолом «святости» и пользуется уважением сектантов.

Теперь он уже раскаивался, что в свое время, ослепленный амбициями, не ушел за рубеж с немалым богатством. А самое глупое было то, что он, перебравшись в Оренбургский край из Тамбова, снова взялся за возрождение секты. Он понадеялся, что ему удастся сделать это в глуши, но все получилось наоборот. Как оказалось, большевики не только на Тамбовщине, в Питере и Москве, но и повсеместно объявили войну «опиуму для народа».

Эти тревожные мысли весь остаток ночи не выходили у Ивашки из головы. С вечера у него в ушах слышалось: «Все бросай и беги, пока не поздно!». Он открыл глаза и посмотрел в потолок. Сон окончательно улетучился, время остановилось.

А тут еще из соседней комнаты донеслось всхлипывание, что окончательно взбесило Ивашку. Это рыдала от боли недавно оскопленная им женщина. Сафронов постучал кулаком в стену и громко крикнул:

– Перестань рыдать, Прасковья, без тебя нынче тошно!

Рыдания смолкли, а он бессильно растянулся на кровати,

крепко зажмурив глаза и незаметно для себя задремав. Его сон был тревожен: он бежал от огня, а за ним гналась стая злобных собак. Спасаясь, Сафронов угодил в жуткое болото и сразу же стал тонуть в вонючей мутной тине...

Он проснулся весь в поту. Вскочил с кровати и обхватил голову руками. Из соседней комнаты тянулся надрывный стон. Ивашка прислушался. «Беги, пока не поздно!» – снова услышал он.

– Черт знает, какая ерунда в башку лезет, – прошептал он удрученно и отер с лица холодный пот.

День прошел спокойно, а вот вечером... Когда городские скопцы стали стекаться на радения, на Ивашку снова нахлынула хандра. Поручив Савве Ржанухину провести радения без него, он набросил на плечи пальто и вышел на улицу.

Немного прогулявшись, он заглянул в кабак. Выпив несколько рюмок водки без закуски, он пошел туда, где, как он был уверен, его ожидала теплая постель и... жена Аверьяна Стеша.

Одинокая покладистая женщина отнюдь не пленяла его своей красотой, но... Соблазнив и принудив к сожителству чужую жену, таким образом он мстил Аверьяну. Подло? Да. Именно это радовало и возбуждало Ивашку, как злого и капризного ребенка, у которого боль другого вызывала восторг и удовольствие.

– А у меня праздник сегодня, душенька! – пьяно ухмыльнулся Ивашка, передавая ей пальто. – Жизнь хороша, вот и

праздную!

Стеша улыбнулась.

– Ни сном ни духом я не ведала про твой праздник, – повела она оголенными плечами. – Да и не ждала я тебя нынче.

– Ты не ждала, а я вот он весь, – пробормотал Ивашка, уставясь помутневшими глазами на женщину.

Чего греха таить, ему нравилась Стеша. Молодая и соблазнительная, к тому же умеет распалить страсть. Как переспевшая ягодка, она возбуждала зверский аппетит у Ивашки. Он знал, что роман с ней не продлится долго, а потому брал от ее влюбленности все, что было возможно, как вурдалак – кровь из своей жертвы.

– Стеша, скорее в постель! Всё во мне бурлит и играет! – весело крикнул он и захохотал.

– Да ведь грешно любить замужнюю? – кокетничала женщина.

– Не все эдак мыслят, – обнимая ее, сказал Ивашка. – Грех – он что орех! Завсегда разгрызть его приятно!..

Ранним утром Ивашка разлепил глаза и ужаснулся, увидев себя лежащим на кровати и связанным. Рядом Стеша и Анна, сурово хмуря брови, разглядывали его и плотоядно, как голодные хищницы, скалились.

* * *

Игнат снова пришел в лавку. По его требованию Аверьян

выпроводил Ваську и запер дверь.

– А теперь уточним кое-какие детали, – сказал Игнат, закуривая папиросу. – «Наверху» принято решение разогнать секту скопцов к чертовой матери. В Оренбургской губернии нет места церковникам, сектантам и их приспешникам!

– Дык деть-то их всех куды?! – ужаснулся Аверьян, бледнея. – Неушто расстрелять всех прикажут?

– Опять ты за свое, башка тупая, – нахмурился шурин. – Сколько можно говорить: погрузим в повозки, вывезем в бор, запретим возвращаться и... скатертью дорога!

– А вещи? Вещи ихние себе прикарманите?

– Реквизируем, – уточнил Игнат и тут же добавил: – Не все, конечно. Оставим скопцам самое необходимое и пиндалей под задницы надаем.

– А я? Ихняя участь и меня постигнет?

– Да-а-а, тебе не яйца надо было отрезать, зятек, а помело, что во рту болтается. Сколько разов можно тебе вталдычивать, что ты сейчас под моей защитой?!

Аверьян смотрел мимо Брынцева. Он помнил брата жены совершенно другим человеком. Взбалмошный, задиристый и любивший погулять казак в прошлом являл полную противоположность настоящему Игнату.

– Секту разгонят однозначно, – продолжил шурин с ухмылочкой. – Но нам до скопцов нет дела. Нам нужен их «Христос», и мы им займемся!

– Ты сказал «мы», Игнашка? – насторожился Аверьян.

– Ну конечно, – ответил тот, позевывая. – Из дела государственного мы сделаем чуток «семейное», чтобы никому обидно не было! Сечешь, зятек?

Аверьян задрожал от зародившейся надежды. Пусть она пока еще ничем не подтверждалась, но и отказываться от нее не было оснований.

– Я тебе верю, Игнашка! – сказал он возбужденно. – Как велишь, эдак и сделаю. Могешь не сумлеваться, шуряк.

Калачев перевел дыхание. От облегчения все окружающее поплыло у него перед глазами.

– Ночью, после радения, мы Ивашку захватим! – быстро заговорил Игнат, заговорщически глядя на насторожившегося зятя. – Чтоб никто ево случаем пальцем не коснулся! Аверьян, ты за ним приглядывать будешь. Как зеницу ока беречь! Ясно?

– А для че он нам сдался? – запальчиво воскликнул Аверьян, красный от возбуждения.

– Опосля обскажу, – небрежно бросил Игнат. – Твое дело приглядывать за супостатом издали, штоб не сбег ненароком.

Слушая шурина, Аверьян одобрительно кивал, холодный пот леденил спину. Его удивляла значительная перемена в поведении шурина, он не понимал Игната, но и противоречить не собирался.

– А для че он нам сдался, Ивашка-то? – в который раз он задал один и тот же вопрос, будто позабыв, что шурин уже

отвечал на него.

Игнат смотрел на него полным сожаления взглядом и с важностью.

– Ты когда отупеть успел, зятек? – спросил он, укоризненно качая головой. – Что с тобой? Ежели оскопленные такие вот тупицы, то я начинаю понимать вражину Сафронова.

Игнат резанул зятя косым насмешливым взглядом. Аверьян, в свою очередь, мельком взглянул на него. От шурина несло потом, как от жеребца, и дышал он, точно перегруженный тяжеловоз. Калачев, не шевелясь ожидал, что тот скажет.

– Не гляди на меня эдак, зятек, – нахмурился Игнат. – И не жалей этих... Как вы там зоветесь... «Голуби на корабле»? Ничаво не поделаешь, все когда-нибудь помирают, а корабли тонут!

– Об чем ты? – испугался Аверьян, и его взгляд сделался жалобным. – Ты же токо што... Ведь об ихней смерти не велось речи? – обомлел Аверьян. – Ты же уверял, што их в бор сосновый и все на том?

– Заткнись, надоел, – отмахнулся шурык. – Все будет так, как начальство мне велит. Нам бы вот Ивашку Сафронова, ежели што, от пули отвести. И от начальства скрыть понадежнее.

Выйдя замуж, Стеша полагала, что счастье любой семьи покоится на незыблемом фундаменте и не поддается никаким испытаниям жизненных стихий. Но когда Аверьян ушел с армией Дутова и пропал, Стеша отчетливо поняла, что любовь между ними так и не завязалась, а кажущееся счастье было построено на зыбком песке.

Теперь Стеша пугалась, представляя, как ей одной поднимать малолетних детей. Вот если бы кто позаботился о ней...

Однажды к ней заглянул брат Игнат:

– Есть у меня на примете один балбес, в самый раз для тебя сойдет, хоть и не молод годами. А чтобы заполучить его, придется похлопотать нам обоим!

– Похлопотать? – удивилась Стеша. – Энто поухаживать што ль за ним?

– В самую точку угодила, – согласился брат. – И следует поспешить, сеструха! Жаних хоть и немолод, но богат! Из купцов, говорят, бывших! Эдакий буржуй долго в жанихах не завалается!

Чего греха таить, Стеша была еще довольно привлекательной женщиной. Поклонников у нее хватало всегда, хотя она, как женщина семейная, не подавала никому поводов для ухаживаний. Но сейчас, когда Аверьян сгинул невесть где, ей почудилось, что перед ней вдруг распахнулись врата счастья.

С неожиданной для себя смелостью Стеша взялась мертвой хваткой за указанного братом человека. И тот легко позволил себя «охмурить».

Петр, новый знакомый, рассказал, что служит снабженцем и совершенно одинок! Стеша еще настырнее взялась за дело. Она боялась упустить шанс, который выпадает далеко не каждой женщине в голодное послевоенное время.

Надежды на свадьбу рухнули сразу, как только Стеша увидела у церкви пропавшего Аверьяна. Муж, которого она уже привыкла считать безвозвратно сгинувшим, вдруг повстречался ей в центре города. Его мучения, как видела Стеша, были сильны. Выглядел он неважно без привычных для казака усов и бороды. Несвежая щетина казалась серой, а лицо носило отпечатки страданий. Его взгляд таил в себе просьбу о прощении. Разговор у них не получился. Видимо, слишком разными людьми они стали вдруг после нескольких месяцев разлуки.

Стеша тяжело переживала эту встречу. Она всячески проклинала мужа и свою судьбу, преподнесшую ей такой нежелательный сюрприз. Ее отчаянное положение скрасил всегда неунывающий и находчивый брат Игнат. Когда женщина рассказала ему о встрече с Аверьяном и крушении в связи с этим своих надежд, Игнат успокоил ее:

– Ну и что с того? Жив Аверьян, и то отратно. И ты когда увидела его, глаза ведь не лопнули?

– Глаза-то не лопнули, – посетовала Стеша. – Токо вот как

я при живом муже сызнова под венец пойду?

– А тебе-то кака в том нужда приспичила? – рассмеялся Игнат. – Нынешняя власть советская и религию всякую отменила! Так что не найдешь теперь венца, под который мужика тащить надо! Щас вас в книгу в Совете запишут, и все – ни церковей тебе, ни венцов! Теперя и царские, и церковные законы недействительны! Стало быть, вы с Аверьяном не жаны!

Стеша поняла, что ничем не привязана к Аверьяну, и, пользуясь случаем, всецело отдалась завоеванию сердца Петра. Сыновья не особенно отягощали ее: Игнат «сплавил» мальчиков в станицу Верхне-Озерная к прабабушке на неопределенное время.

Однако старания Стеши выскочить за Петра замуж ощутимых результатов не приносили. Петр вначале проявлял интерес к Стеше, затем охладел к ней, а вскоре и вовсе стал избегать ее. Стеша пыталась разыгрывать из себя обиженную страдалицу, чтобы привязать Петра к себе покрепче.

Видимо, разгадав ее намерения, Петр все реже оставался на ночлег в ее избе. Все чаще, ссылаясь на служебные дела, исчезал в «длительные командировки». К ней же наведывался теперь зачастую в нетрезвом состоянии, и Стеша внутренним женским чутьем безошибочно улавливала, что Петр к ней безразличен.

Явившаяся гостя еще более травмировала душу Стеши сногсшибательной новостью. Как оказалось, у «ее Петра»

есть взрослая дочь, которая проживает где-то в Тамбове. Так что теперь Стеша обратила свой гнев на гостью: та наговорила ей столько плохого про Петра, что голова шла кругом.

– Ты заявила испохабить мою жизнь! – кричала она девушке. – Сознайся, што оговариваешь Петеньку маво?

Гостья, назвавшаяся Анной, тоже не на шутку рассердилась. Она вцепилась пальцами в горло Стеши и, ненавидяще глядя в глаза, злобно прошептала:

– Он вообще-то любил тебя хоть когда-нибудь, курица? – Ее глаза были холодны и жестоки. Этим своим отпором Анна заставила Стешу прикусить язык и умолкнуть. – Тебе, женщине замужней, – беспощадно наседала девушка, – не пристало быть изменщицей и дурой наивной, ясно?

Успокаивая нервы, Анна прошлась по избе. Она шагала тихо, почти неслышно, как хищная кошка, подбирающаяся к добыче. Вновь голос ее уже зазвучал шипением змеи, готовящейся к атаке.

– Не пытайся разозлить меня, Стешка непутевая. Мне наплевать на тебя. Я хочу оградить от твоей прилипучести пророка сектантов-скопцов.

Стеша, услышав, для чего в ее дом явилась эта «негодница», притихла, забилась в угол у печи, угрюмо вытирая слезы.

– Странно, почему он на сей раз выбрал тебя, развалюху старую, да еще с двумя «хвостами», а не девушку помоложе? – вздохнула Анна. – Хотя какая теперь разница. Все од-

но он ни с кем вязать свою судьбу не собирается.

– Типун тебе на язык! – Стеша снова вспыхнула, подавшись вперед, словно тигрица, готовая вцепиться в лицо своей противницы. – Он любит меня, а я его. Так што не больно-то верти хвостом, вертихвостка!

– Он не любит, акромья себя, никово, – остудила ее пыл девушка. – Даже меня... Но спасать от таких, как ты, прилипалок, я его обязана. А теперь просьба к тебе имеется. Подсоби мне Ивана Ильича образумить?

– Хто? Я? – не поверила своим ушам Стеша. – Ты што от ревности умом повредила? Для че мне тебе подсоблять спасать сектанта энтова, греховодника брехливого?

Анна злорадно ухмыльнулась.

– Вот и вся ты как на ладони, – сказала она. – А куда подевалась любовь твоя? Ладно, быть посему, оставим это словоблудие. Так скажи ты мне на милость, душа сучья, подсобишь в просьбе моей или самой управляться дозволишь?

– А што ты с Петенькой сотворить замышляшь, змеюка подколотная? – спросила Стеша, глядя на девушку исподлобья.

– Усыпишь его, когда явится, и в постель затащишь, – ответила Анна. – Свяжем мы его опосля. Я думаю, что больше ты мне не понадобится. Дальше я и без тебя обойдуся.

Иван Сафронов сидел перед окном второй день, наблюдая, как наступает ночь. Он даже привык, что его руки и ноги связаны, и не обращал на это внимания. Он не возмущался, не угрожал, не требовал, всецело полагаясь на судьбу, которая, в общем-то, всегда благоволила к нему. Ивашка верил в свою исключительность на земле.

Однако сегодня кормчий не чувствовал себя хозяином положения. Он ненавидел свою беспомощность и острее чувствовал свой возраст! Невыносимо было осознавать себя слабеющим. Внешне он пока еще здоров и крепок, но сотни мелких недугов и хворей свили в его теле настоящее гнездо. Редкий день проходил без раздражения от того, что какая-нибудь из болячек не заявляла о себе, и Ивашка все больше и больше злился на стареющее тело. А ведь худшее еще впереди...

Ивашка вспомнил отца. Тот лежал на кровати за печью. Страшная болезнь разлагала его внутренности и приковала к постели, но голова несчастного оставалась светла, как у юноши. Он ворочался словно в бреду и цитировал Евангелие, именно главы о смерти и загробной жизни. Отец был убежденным православным христианином. Он свято верил в Иисуса Христа и в то, что любой богобоязненный человек способен одержать победу над силами зла. Даже умирая,

Илья Иванович славил Господа.

Спустя год после похорон отца в доме появился некий Карп Сурков. Среди домочадцев он вел себя скромно и даже смиренно, хотя и невооруженным взглядом было видно, что тот обладает очень большим влиянием на матушку. Тихо, ненавязчиво он частенько внушал домочадцам, что отца погубил злой дух, ибо покойный погряз «во грехе и разврате»!

И так было вплоть до того рокового дня, когда Карп от непонятных Ивашке проповедей вдруг перешел к делу. Сурков заманил подростка в баню и едва не оскотил его. Тогда Ивашке показалось, что он встретился лицом к лицу с тем злым духом, который и погубил отца.

В тот раз они разошлись мирно. Унаследовавший от отца могучую силу Ивашка одолел хилого Карпа и остался неоскопленным, но извлек из скопцовской веры кое-что «эдакое», что позволяло ему верховодить над сектой и быть для адептов всем на свете!

С тех пор минуло уже много лет. И вот сейчас...

Ивашка обернулся к двери. Анна стояла у порога и молча смотрела на него. Эта сильная и своенравная девушка обладала какими-то способностями, объяснить которые было невозможно.

Когда она родилась, умерла ее мать Кланя, привязанность к которой Ивашка пронес через всю свою жизнь. Девочка росла замкнутой и нелюдимой. Говорить начала поздно, хотя

была на редкость смышленной и все понимала. Ивашка начал даже подумывать, что она немая, но он ошибся.

Девочка заговорила, когда ей исполнилось три года. Первые ее фразы были не чем иным, как предсказанием страшного события, которое не замедлило произойти. Анна напророчила матери Ивашки смерть от укуса бешеной лисы. Так и случилось: матушка умерла в страшных мучениях...

– Иван Ильич, ты почему отказываешься от еды и питья? – спросила Анна, приблизившись. – Твое поведение мне не нравится.

– А мне не нравится, как ты обращаешься со мной, – ответил Ивашка, вздыхая.

– Я поступила так, как должна была поступить, – сказала Анна, и в этот миг ее загадочные глаза озарились пророческим огнем.

Ивашка вздрогнул, вспомнив, что слова девушки всегда имеют под собою почву. А вдруг и на этот раз ее заявление исполнено глубокого смысла?

– Твоя жизнь на волоске, а я спасаю тебя от смерти.

Слова звучали убедительно и зловеще. Анна выговаривала их с торжественной уверенностью, будто она знает гораздо больше, чем говорит.

– Черный человек охотится на тебя, Иван Ильич, и на твое состояние! А еще он собирается погубить всех скопцов, – прошептала Анна таинственно. – Но ему помешают.

– Кто? Я? – ужаснулся Сафронов.

– Нет, другой, – ответила девушка. – Только он один способен остановить черного выродка, правда, сам этого не знает.

Сафронов закрыл глаза. Он попытался представить, что может случиться дальше, и затрясся от страха. Желания продолжать разговор с девушкой больше не было.

За окном быстро темнело. Анна, скрестив на груди руки, прогуливалась от окна к двери в глубокой задумчивости. Ивашка по-прежнему испытывал благоговейный страх перед ней, как перед судьбой, обладающей властью над его жизнью и смертью.

Убеждение в своей высочайшей ценности делало его самым уверенным в себе. Его сильные природные качества были отшлифованы до такой степени, что одним словом он умел подчинить себе толпу или уничтожить любого, опустошив безжалостно его жизнь, разрушить психику. Ивашка проделывал это бесчисленное количество раз. Девушка всегда помогала ему манипулировать людьми. Благодаря своему «шестому» чувству и ее таинственной помощи Сафронову удалось скопить огромное состояние. Но почему-то теперь Анна тревожится? Что она видит в его и своем будущем?

Ивашка повернул голову, чтобы посмотреть на нее:

– Мы выживем в этой кутерьме, Анна?

Слова были произнесены так тихо, что, казалось, выплывающая изо рта, зависала воздушными шариками посреди избы. Внутренности Ивашки сжимались от плохого предчувствия.

– Этого я сказать не могу, – ответила Анна. – Сама не знаю почему, но я не вижу нашего будущего.

Ивашка никогда не видел девушку такой озабоченной и погруженной в себя. Ей сейчас явно было не до него, но он спросил:

– Ты мне не ответила – выживем ли мы?

– Мы сделаем все, чтобы выжить, – ответила Анна. – Только придется все бросать и спешно убираться из Бузулука.

Ивашка закрыл глаза. Он почувствовал, как страх холодной струйкой проникает в самое сердце.

Девушка подошла к нему и обняла сзади за шею. Она ощутила всю бездну отчаяния своего благодетеля. Он никогда не был таким раньше.

– Что ты сделала со Стешей? – спросил Ивашка, прижимаясь затылком к упругой груди девушки. – Ты не причинила ей зла?

– Нужда была об эту холеру пачкаться, – ухмыльнулась Анна. – Ежели бы я со всеми любовницами твоими что-то делала...

– Ладно, ладно, душенька, – Ивашка прижался еще сильнее. – Сказывай, что мы с тобой делать будем. Своя рубаха ближе к телу, а все другие пускай выбирают сами, как хотят. Уже теперь мы с тобой им всем не помощники...

Разгоралось. Подвал заполнился тяжелым едким дымом горящих свечей, от которого першило в горле. Сектанты, находясь в экстазе, горланили на все лады. Кто-то, уже надорвав голос, просто сипел и лихо выплясывал вместе со всеми. Им подпевали с улицы те, кому не посчастливилось найти места в подвале.

«Надо же, – подумал Ивашка, – столько людей к скопчеству приобщается. Живи и радуйся! Знали бы они, черви ползучие, что всему подходит конец. Неважно, – ободрил он себя, – когда это произойдет, но завтра я уже буду далеко отсюда...». Грустными глазами он смотрел на радеющих. Этим людям придется предать и бросить на произвол судьбы без угрызений совести.

Сейчас он получил сполна ответ на вопрос, не дававший ему покоя несколько последних лет жизни: «Существуешь ли ты, Иисус Христос, и если да, то почему прячешь от мира светлый лик свой?» Теперь Ивашка знал, что ответ лежит далеко в подсознании: «Ты избрал неправильный путь, Иван Ильич. Ты – воплощение зла, но Бог пока еще на твоей стороне и Он ждет тебя!». Ивашка закрыл глаза и встряхнул головой, будто отгоняя наваждение.

Когда он снова взглянул на радеющую паству, то увидел наблюдавшего за ним человека. Чуть выше среднего роста,

с рыжеватыми волосами, с густыми бровями, высоко посаженными над грустными черными глазами. Вид у того был вполне дружелюбный, располагающий и невинный.

Кто-то подтолкнул Сафронова под локоть. Ивашка медленно повернул голову и заставил себя улыбнуться. В полумраке он не сразу разобрал, кто именно перед ним.

– Давненько тебя зрить не приходилось, Иван Ильич, – сказал мужчина. – Будто сквозь землю канул. Я уже грешным делом подумывал, што ты тово... Пятки дегтем смазал.

Рука мужчины нащупала руку Ивашки и сжала ее.

– Ну што же ты, «Христос всемогущий»? Не признал што ль адепта своево?

– Я признал тебя, Аверьян, – продолжая натянуто улыбаться, ответил Ивашка. – А ты чего не радеешь вместе со всеми?

– Уходил бы ты отсель, – сказал Аверьян. – Тебе несладко придется, ежели доброва совета не послухаешь.

Калачев улыбнулся и исчез. «Иисус Христос теперь на моей стороне», – почему-то подумал Ивашка, пропустив слова Аверьяна мимо ушей.

Он снова расслабился, потом вспомнил: «Анна! Где она?». И завертелся на месте, пытаясь разглядеть девушку. А вдруг она ушла и бросила его? Нет, такого быть не может быть! Они уйдут из этого дома вместе – вот только закончится радение, и удастся забрать всё свое. Жаль, что раньше об этом не позаботился.

Минуту спустя Сафронов все же увидел девушку. Анна стояла в углу и наблюдала за ним со стороны. Взгляд ее был отсутствующим, напряженным. Заметив, что кормчий смотрит на нее, девушка одобрительно улыбнулась.

И тут вдруг, откуда ни возьмись, возле Ивашки появилась Стеша Калачева. От удивления у того вытянулось лицо. Уж кого-кого, а свою любовницу Ивашка не ожидал здесь увидеть. Он бросил беспомощный взгляд в сторону Анны, но по встревожившемуся лицу сразу же понял, что появление Стешы и для той тоже полная неожиданность.

– Чево стоишь, а не выплясываешь со всеми, Петенька? – поинтересовалась любовница холодным как лед голосом.

– Наверное, ему сейчас не до этого, – ответил за Сафронова, приближаясь, мужчина, который наблюдал за ним давеча.

Он слащаво улыбался и подмигивал Ивашке как закадычному приятелю. И тут кормчего осенило: «Да это тот самый чекист с маузером, который защищал не так давно лавку и Аверьяна от бушующей толпы?!»

– Игнат, ты обещал ево не трогать! – воскликнула Стеша.

Глаза ее испуганно расширились, и она попыталась заслонить собою Ивашку.

– Не вмешивайся! – Игнат схватил сестру за руку и отшвырнул в сторону.

Затем он приблизился вплотную к Ивашке и заглянул в глаза:

– А я уже испугался, что ты сбеж из города.

Анна тем временем решительно протиснулась сквозь толпу и встала между ними.

– Отойди, – сказала она, упираясь в Игната колючим прищуренным взглядом. – Здесь не место для разговора, поверь мне.

– Тогда укажи место, – процедил злобно Игнат. – Только пусть этот поп отдаст мне то, чего я его попрошу – и выплясывайте здесь хоть до конца света.

Девушка усмехнулась.

– Я знаю, чего тебе надо, – сказала она. – Ты хочешь завладеть золотом скопцов. Когда-то у них водилось много золота, но это было очень давно. А сейчас скопцы бедны и беззащитны. У них нет того, на что ты рассчитываешь!

Игнат сглотнул слюну. Его лицо покрылось капельками пота, но он не мог отвести глаз от магического взгляда девушки: руки его начали дрожать, и холод пробежал по спине, забираясь в самую глубину души. Стеша, глядя то на брата, то на девушку, нервно рассмеялась, а радеющие скопцы остановились и встревоженно замерли. Игнату показалось, все вокруг испугались. «Иди на попятную!», – прозвучала команда где-то в затылке.

Игнат шумно выдохнул:

– И правда, – сказал он, – чего мешать людям... – Его язык слегка заплетался. – По мне тоже лучше с глазу на глаз выяснять отношения.

– Ты разве для этого сюда пожаловал? – спросил Ивашка.

– Нет, помолиться «живому Богу», – ответил с издевкой Игнат. – Ну, сотвори чудо, останови меня от того, что я сейчас собираюсь сделать?

– Оставь их, брат! – взмолилась Стеша, заламывая в отчаянии руки. – Ты же обещал...

– Вали отсель, дура, – посмотрел на сестру с кислой миной Игнат.

– Оставь нас в покое, – отвлек его зловещий шепот Анны. – Иначе тяжелая болезнь снизойдет на тебя, от которой излечивает только могила.

– Вот значит как?! – ухмыльнулся Игнат – Да вы тут не безобидные сектанты – кастраты убогие, как я погляжу? Вы все здесь колдуны и сатанисты?!

Анна смотрела на него, чуть опустив веки. Игнат облизнул губы и оглянулся по сторонам. Их обступило довольно много людей, и все с интересом наблюдали за происходящим. В подвале стало тихо.

– Именем Революции, – произнес он. – Все вы здесь присутствующие кастраты разом арестованы! Кто окажет сопротивление или попытается бежать, будет застрелен немедленно, без просьб угомониться!

* * *

Отряд чекистов быстро ворвался в дом и произвел арест

всех, кто в нем находился. Перепуганных людей вывели на улицу и взяли в кольцо.

– Оружие, ценности, марафет⁵, деньги... Сдать все, что есть при себе! – распорядился громким выкриком Игнат. – У кого обнаружатся документы, подводить ко мне для проверки. – Он кивнул на Ивашку и Анну. – А с этих глаз не спускать! Я ими лично займусь чуток позже.

Чекисты ревностно взялись за дело. Аверьян стоял в стороне и молча наблюдал за происходящим. Его никто вокруг не замечал, видимо, насчет него не поступало никаких указаний. Но он знал, что делать...

Оставаясь незамеченным, Аверьян опустился на колени и на четвереньках дополз до вентиляционного окошечка дома. Рядом в кустах уже стояла пятилитровая канистра с керосином. Открыв окошечко, Аверьян вылил в подвал керосин, а остаток выплеснул на тряпку, в которую канистра была замотана. Он перекрестился, пробормотал себе под нос что-то вроде «Отче наш» и осторожно вытащил спички. Затем зажег одну и поднес огонек к пропитанной керосином тряпке. Получившийся факел Аверьян сбросил в подвал, а сам сжался, кляня за свой грех себя и того, кто принудил его совершить.

Красные языки пламени разорвали мрак. Перепуганные скопцы походили на привидения, вырывавшиеся из черного душливого дыма, чтобы с тоской и бессилием наблюдать,

⁵ Кокаин.

как погибает в огне их разоренный «корабль». Ивашка стоял без шапки в клубах дыма, как покрытый сажей пень, и беззвучно открывал и закрывал рот. Из-под бровей вытаращенные, налитые кровью глаза его блестели в отсветах огня. Слезы стекали по щекам, оставляя грязные бороздки. Стеша – испуганная, лицо в копоти, волосы растрепаны, словно ее терзали десятки рук. горько рыдала рядом, размазывая по щекам слезы и беспрестанно повторяла:

– Хосподи Боже ты мой милостливый! Да што же энто творится, Хосподи...

Анна замерла в стороне от всех.

Последние языки пламени полыхнули из обгоревших обломков, когда на небе засеребрился рассвет. Утихающий огонь лизнул клубы утреннего тумана и незаметно осел в мигающие угольки – тут Ивашка застонал, согнулся, будто внутри у него что-то надломилось, испустил короткий болезненный выдох, а затем взвыл, заламывая руки и колотя себя в грудь. Стеша и все скопцы заголосили вместе с ним, будто только что пробудившись от спячки. Никто и не заметил: Анны рядом не было...

Причитания и истеричные выкрики несчастных вдруг заглушил хриплый окрик Игната:

– Всех – за город, к берегу реки! – приказал он чекистам. – Без меня ничего не предпринимать. – Он посмотрел на рыдающего Ивашку: – А этого голубя в нашу «голубятню» заприте! Караульным передайте, чтоб никаво к нему на пушеч-

ный выстрел без моего ведома не подпускали!

Слушая его, скопцы сбились плотнее в кучу, с опаской поглядывая на окружавших их вооруженных людей. Но те не заставили своего командира повторять приказ еще раз. Пинками, матом и ударами прикладов они привели толпу в движение и направили ее по указанному маршруту.

Игнат, подозвав к себе Аверьяна, протянул ему руку.

– Ты все сделал как надо, зятек, – сказал он одобрительно. – Теперь ступай к Стешке, отдохни и помойся.

– А как же они? – спросил Аверьян, провожая тоскливым взглядом уводимых в неизвестность скопцов. – Ты же обещал, Игнашка?

– Как обещал, так и сделаю, – успокоил его шурин. – За город к реке выведут и отпустят на все четыре стороны. Верь мне, Аверьяха...

* * *

Спустя час чекисты привели скопцов к берегу реки Самары. Осеннее солнце светило ярко, но не давало тепла.

– Эй, кастраты! Слушайте меня! – обратился к замерзшим и уставшим от перехода людям один из чекистов. – Всем оставаться на месте и не расходиться! К воде подходить запрещаю, в лес идти тоже! Заслушание – пуля!

Скопцы загудели, а чекист возвысил голос, перекрикивая их:

– Возмущаться и спорить тоже запрещаю! – выхватив револьвер, он успокоил тем самым глухой ропот.

Савва Ржанухин подсел к Авдею Сучкову и Стахею Голубеву.

– Смотрите, как над нами измываются! – прошептал он с досадой. – Ограбили, приют спалили... Хотели мы в рай попасть, а угодили прямиком в ад крошечный!..

Неожиданно один из чекистов, стоявший на посту, вскочил с земли и закричал:

– Отряд конный вижу, братцы! Не из города, из леса в нашу сторону скачет!

Чекисты занервничали, а скопцы заволновались. Все они напряженно вглядывались в желтую, выгоревшую на летнем солнце степь, пролегающую между бором и рекой. По дороге, в лучах солнца, клубилось облако пыли. Оно исчезало, затем снова поднималось над извилистой дорогой.

– Оружие к бою! – закричал чекист, оставшийся за старшего вместо Игната. Он был возбужден, ошеломлен и раздражен одновременно. – Это бандиты, товарищи!

– Мало нас против них, Маркел! – упал на колени рядом с ним молоденький чекист с юношеским пушком вместо усов.

– Не бойтесь ничего, товарищи! – улыбнулся, привстав, Маркел. – Мы в степи тоже воевать обучены! Порядок и спокойствие! Когда...

Он осекся, посмотрев в сторону притихших в ожидании смерти скопцов.

– Макаров, Печенкин, Нестеров, рассредоточьте сектантов по периметру! Бандиты их за нас примут и вряд ли на атаку отважатся!

Названные бойцы быстро и точно исполнили команду. Угрожая оружием, ругаясь, они развели скопцов по овражкам вдоль берега реки. Каждый взял в руки все, что попало, и вот все уже выглядывали из укрытий, будто птенцы из гнезд.

Маркел взволнованно махнул Макарову. Тот подбежал. Возле них мигом образовалась группка.

– Где же Игнат? – со злостью выдавил Маркел, уставившись на бойцов. – Что делать, ума не приложу. Я, почитай, все могу, а вот боем командовать не приходилось...

Ответом на его слова стало угрюмое молчание. Кое-кто привстал, прикрыв глаза ладонью, посмотрел на степную дорогу, по которой приближался враг. Чекисты, ожидавшие в огромном напряжении, насчитали около сотни всадников и три тачанки с пулеметами.

Верховые держались близко, на небольшой дистанции, будто звенья одной цепи. Они ехали неторопливо, осторожно, то замедляя ход, то останавливаясь. Всадник с офицерскими погонами на плечах поднес к глазам бинокль...

* * *

Вокруг все казалось спокойным. Подходя к крыльцу, Игнат осмотрелся. Соседей рядом не было, только ободранный

кот крался к своей добыче. Но Брынцев даже не подумал разглядывать его жертву. В избе, за дверью, у него была своя.

Плотно сжав губы, он постучал в дверь. Подождал немного и постучал снова. Убедившись, что дома никого нет, Игнат счел излишним на всякий случай обойти избу вокруг.

Повернув за угол и сделав пару шагов, он увидел ту, за которой пришел. Она снимала с веревки белье. Бесшумно ступая, в два прыжка, Игнат подскочил к девушке вплотную, зажал ей рот и приставил к виску ствол маузера.

– Только пикни, Нюша, и я прострелю тебе голову! – тихо предупредил он.

Анна дернулась и попыталась что-то ответить.

– Ты думаешь, что я шуткую? Хочешь в том удостовериться?

Девушка замерла. Игнат убрал ладонь от ее рта и схватил за волосы.

– Так, теперь обернися. – Он потянул за волосы и, когда та повернулась к нему лицом, улыбнулся: – Вот и свиделися, Аннушка. Думала, сбегла от меня? А ну веди в избу гостя!

После яркого солнечного света Брынцеву показалось, что в горнице очень темно, как в погребе.

– Мне нужно то, что ты принесла ночью домой, – потребовал он. – Куда ты это запрятала?

– Я ничего не приносила.

Игнат взвел курок и сильнее надавил стволом на ее висок.

– Тебе лучше отдать. Так как, поладим, ведьма?

– Я... я... – В тот же миг девушка задохнулась от боли:

Игнат с силой рванул ее за волосы.

– Поднапрягись, Нюша!

– Наверное, в узел увязана.

– Покажи, в который? – Он немного отстранил ствол маузера от ее виска.

Из горницы они прошли в спальню. Там стояло несколько узлов. Анна указала на левый крайний.

– Развяжи!

Она развязала.

– Ну и...?

– Наверное, в другом.

Игнат отпустил волосы девушки, отвел маузер от головы и приставил ствол к спине.:

– Развязывай следующий.

Девичья рука на мгновение замерла, и это не ускользнуло от внимания Игната.

– А ну показывай, что там? – тихо проговорил он и медленно провел стволом пистолета вдоль спины Анны.

Она поморщилась от боли, но не произнесла ни слова.

– Что это? – Игнат выхватил из узла толстый альбом с фотографиями, небрежно перелистал страницы и отшвырнул его в сторону. – Очень хорошо. Теперь слухай: мы больше не будем играть в прятки. Что скажешь?

Анна покорно кивнула.

– Тогда пошли, – коротко приказал он.

Они вернулись в горницу.

– Скажи мне, ведьма, с кем бежать собралась? – потребовал Игнат.

– С чего ты взял?

– Узлы твои эту мысль подсказали.

– Они тебя обманули.

Игнат достал из кармана часы. Стрелки показывали полдень.

– Не отдашь мне золото, я убью тебя, – вздохнул он театрально. – Или жизнь твоя молодая ничего не значит?

– Я очень хочу жить, – тихо сказала Анна. Голос ее дрожал.

– Тогда жизнь твоя в обмен на золото!

– Но я правда не знаю про него!

– Быть посему, покажи мне, что ты принесла домой утром с пожарища.

– Альбом с фотографиями, ты его уже видел. – Девушка старалась не смотреть на Игната, чтобы не привести его в бешенство.

– Врешь, паскуда! Послушай, Нюша, я не собираюсь здесь торчать до старости. Но мне очень нужно золото вашего чертова «архангела», – маузер снова надавил на висок Анны. – Говори, сучка!

– У... у Ивана Ильича имелись деньги, но немного. Он был богат, но не здесь, а в Тамбове. Если у него и осталось золото, то спрятано оно только там.

– Тогда для чего он сюда притащился? Как нищий на заработки?

Перед глазами у Анны все поплыло. Боль в области виска стала нестерпимой.

– О-он собирался вернуться в Тамбов. – еле слышно проговорила она.

– Не брешешь?

– Нет. – Анна судорожно глотнула, ее била нервная дрожь.

– Быть по-твоему, – сказал Игнат. – Пойду с Ивашкой по душам посудачу. А ты меня здесь дождешься. Может быть, у меня еще к тебе вопросы появятся.

Игнат связал девушку найденной в избе веревкой и уложил на кровать. Анна не сопротивлялась. Прикрутив для верности еще и к кровати, Игнат затолкал ей в рот платок. В глазах связанной застыл ужас. Она начала вырываться и мычать. Тогда Игнат со всей силы ударил ее ладонью по лицу. Анна еще разок дернулась и затихла.

– Теперь очередь Ивашки! – прошептал он, глядя на девушку. – Надеюсь, он более стоворчивый, чем эта грязная сука...

В сенях скрипнула дверь. Брынцев замер. Маузер в его руке был готов в любой момент к действию. Игнату не было видно из-за печи, кто вошел, но он понял, кто это...

Кругом так тихо, что Маркелу даже стало немного не по себе. Вдруг со стороны степи прогрехотал пулемет, а над головой просвистели пули. Одна из них прошила чекисту плечо. Показалось, будто раскаленный в кузнечном горне прут пронзил его.

Снова загрохотал вражеский пулемет. Пули зажужжали над головой. Маркел откатился в ближайшее углубление в земле. Слева и справа загремели винтовочные выстрелы – товарищи вступили в бой.

Он пошевелился и попытался занять более удобную для стрельбы позицию, но... еще одна пуля настигла его. Острая боль в правом бедре отозвалась по всему телу остро и мучительно. Маркел привстал, быстро огляделся и, едва удерживая равновесие, бросился в более надежное укрытие – заросшую бурьяном яму.

Только собравшись перевязать раны, Маркел услышал голоса. Затем, привстав, увидел людей: скопцы в панике бежали к реке. Вдогонку им неслись пули – один из мужчин упал на землю. Рядом с ним растянулись две женщины. «Вот подлюги! – вскипел от негодования Маркел. – Что, не видите, по кому жарите?». Выстрелы смешались с криками перепуганных сектантов.

Маркел, выбравшись из укрытия, побежал к несчастным

с такой легкостью, будто в его теле не сидели две пули.

– В реку! – кричал им Маркел. – Плывите вниз, покуда мы здесь бандитов задержим!

Увидев ползущего к реке скопца, ноги которого были пробиты пулеметной очередью, Маркел упал рядом с ним и схватил его за руку:

– К реке ползи, там спасение! – закричал на него Маркел. – Только быстрее шевелитесь, нас надолго не хватит!

К ним подбежали остальные, растерянные – жалко смотреть, плачут и дрожат от страха.

– Спасайтесь сами, – вздохнул Маркел, опуская глаза. – Мы вам помочь не сможем! Разве что задержим немного бандитов, пока вы по реке поплывете...

И тут вдруг высокий и самый крупный из скопцов, Савва Ржанухин, встал во весь рост, расправил плечи и, сорвав с головы шапку, бросил ее под ноги. Все оставшиеся в живых сектанты тут же последовали его примеру. Мужчины, женщины, дети и даже раненые, кто смог встать на ноги, не страшась свистевших пуль, образовали круговерть, пришли в движение. Скопцы ходили по кругу, подсакивая и выкрикивая: «Ой, дух! Ой, Бог! Царь Бог! Царь дух!»

– Чего это они? – спросил Маркел у раненого скопца. – Спятели что ль со страху?

– Эдак помирать они хотят, в радении, – пояснил тот, смахивая слезы. – А я вот... – и он пополз к собратьям по веревке, цепляясь пальцами за землю, волоча за собою перебитые

ноги и подпевая: – Ой, дух! Ой, Бог! Царь Бог! Царь дух!..

Несколько скопцов упали, срезанные бандитскими пулями. Огромная волна классовой ненависти захлестнула Маркела в ту же минуту. Он достал из-за пояса гранату и отведя руку, с силою метнул снаряд через голову, а сам уткнулся лицом в землю. Грохнул взрыв, и комья земли долетели до него. Послышались крики и стоны.

Маркел приподнял голову: пара скакунов без седоков мчались в разные стороны от дымящейся воронки.

– Знай наших, бандюки недобитые! – крикнул вслед лошадям Маркел, вытянул руку с револьвером вперед, прицелился, и... увидел, что тачанки бандитов снимаются с занимаемых позиций.

* * *

– Входи, входи, зятек! – произнес Игнат. – Добро пожаловать!

Шурин выглядел взвинченным и взволнованным, но отнюдь не усталым. Аверьян был поражен, увидев его в избе, где ожидал застать только Анну. Однако он пожал протянутую руку.

– Почему ты здесь? – спросил Игнат. – Хотя че я об этом спрашиваю. Проходи и сам мне все обскажешь.

Аверьян вошел и осмотрелся.

– Ты што, энту чумичку Аньку высматриваешь? – беззвуч-

но рассмеялся шурин. – Без хрена и яиц, а все туда же...

– Жену я ищу, – угрюмо пробубнил Аверьян, не разделяя «радости» Игната. – Дома ее нету, так я мыслил...

– Ты мыслил, что она у своего любовника! – уже вслух хохотнул тот. – А ты не такой простофиля, как кажешься. Откель проведал, что любовник Стешкин здесь бока пролеживает?

– Проследил за ним, – ответил Аверьян уклончиво.

– Ух ты! – воскликнул Игнат восхищенно. – Ты даже на эдакое способен?!

У Аверьяна внезапно в голове стало пусто, и он почувствовал себя бьющимся на земле, выуженным из пруда карасем.

– Ну чего стоишь, как пень, зятек? – хмыкнул Игнат. – Проходи и за стол садися. Вижу, покалякать со мною хочишь, правда?

Они сели.

– Может, выпьем как бывалочи? – предложил шурин.

Аверьян поднял на него глаза и пожал неопределенно плечами.

– Тогда выпьем, – кивнул Игнат. – Где-то здесь я видел бутыль с медовухой. Достань-ка из комода стаканяки.

Аверьян взял стаканы и поставил их на стол, а шурин принес из спальни бутыль с мутной золотистой жидкостью, наполнил стаканы и водрузил бутыль посреди стола.

– За что пить будем, зятек? – подмигнул ему Игнат. – За

удачный твой поджог?

Калачев покраснел от досады и промолчал.

– А может, за твое освобождение от влияния секты? – продолжил насмехаться шурина. – За это стоит выпить, как и за рога, которые тебе нацепила женушка. Хотя... – он осушил свой стакан, прежде чем закончил: – Хотя рогатым тебя называть совестно. Калека безрогий – вот кто ты!

Аверьян отставил стакан, даже не пригубив его. Злые насмешки шурина обидели скопца. Но Игнат еще что-то говорил, а он с угрюмым видом вынужден был слушать.

Брынцев опять наполнил свой стакан медовухой и кивнул Аверьяну:

– Ну ты что? До такой степени башку сектанством заморочил, что пить разучился?

– Што-то мутит меня, право дело, – солгал Аверьян. – Боюсь, жалудок в обрат зараз все выплеснет.

– А я еще хочу испить чашу за то, чтоб эта вот изба твоею стала, зятек. Стешка все одно с тобой жить не станет, скопцов тожа нет уже. Так что забирай лавку ихнюю и избу эту в придачу! Ну как? По сердцу тебе подарок мой?

Аверьян кивнул.

– Завтра... – Игнат встал, не закончив мысли, и прошелся по горнице. Его лицо исказила вдруг гримаса недоумения и боли. – ...мы узаконим дом и лавку на тебя.

Ему явно стало плохо, но он снова наполнил стакан и залпом выпил. Затем жестом показал Аверьяну, что следует

встать и уйти, хотя бледность его лица и обильный пот на лбу и щеках заставляли думать наоборот.

– Но мне некуда податься, Игнат, – заметил Калачев, не спуская с шурина настороженного взгляда.

– Ступай, куда хочишь, – выдохнул тот с усилием. – Хоть в лавку, хоть к Стешке под подол, токо...

Он тяжело опустился на стул, закрыл глаза и уткнулся лицом в стол. Аверьян вздохнул, услышав его густой храп.

* * *

Аннушку Калачев увидел сразу, как только из любопытства заглянул в спальню. Она встретила его молча, только взглянула быстро и испуганно. Закутанная в одеяло, со связанными руками и ногами, она лежала в кровати с кляпом во рту, прислонившись головой к стене. Бледная, с красными пятнами на щеках, глаза лихорадочно блестят, сама вся дрожит.

– Хосподи, да хто же энто так тебя?! – воскликнул пораженный Аверьян. – Неушто Игнашка, вражина, штоб ему пусто было!

Он поспешил к девушке, освободил ее рот, после чего развязал веревки.

– Как же случилось эдак? – спросил он, присаживаясь рядом. – Энтот вурдалак истязал тебя?

Девушка всхлипнула, но ничего не ответила. Она вырав-

нивала дыхание.

– Вот душа вражья, – сжал кулаки Аверьян.

– Налей мне медовухи, – прошептала Анна, растирая «узоры», оставленные веревкой на запястьях. – Только не ту, что этот образина лакал, а вон... В углу под тряпками найдешь.

Аверьян извлек поллитровку и налил полстакана. Анна с закрытыми глазами отпила большой глоток и с облегчением вздохнула.

– Мне тожа не помешало бы щас. – Аверьян вдруг осознал, что уже двое суток на ногах без сна и отдыха.

Он поднес к губам горлышко бутылки, отпил несколько глотков и сразу же почувствовал, как в голове у него прояснилось и захотелось улыбнуться девушке.

– Я перед тобой виновата. Это я втянула тебя во всю эту грязь, – сказала она.

– Не выдумывай. Видать, эдак Хосподу надобно было, а ты не вини себя, – отмахнулся Аверьян.

– А ты почему все Иисусом прикрываешься? Ты же скопец...

– Никогда я вере скопцовской привержен не был, хотя и ютился в их общине. Опреть души мне сее. Из всей веры этой мне токо радения по сердцу пришлось! Пляшешь, поешь... – на душе зараз легко становится и все худое нипочем! Все горести прощевайте, а благодати – милости просим! А Иисус Христос завсегда в душе моей обретался. Небесный,

прекрасный, а не землю топчаший самозванец грешный!

– Выходит, ты притворялся?

– Нет, я просто жил как небесам угодно было. Вот и вся эдака истина моя, душа-девица. А ты вот пошто в энту бучу ввязалась? Разве бабье энто дело об эдакое дерьмо обгаживаться?

– Да как сказать... А ты в рубашке родился, так и знай, – загадочно увела разговор в сторону девушка. – А теперь все, не задавай мне больше вопросов.

– Быть по-твоему, – кивнул, соглашаясь, Аверьян. – Токо вот про шурыка маво растолкуй: што он здесь делал, пошто тебя связал и што с ним таперя?

– Сначала он, шурык твой ненормальный, – мрачно молвила Анна и отпила еще медовухи. – ворвался ко мне в избу, как демон с шабаша. Угрожал пистолетом. Вбил себе в башку, что у Ивана Ильича будто денег куры не клюют. Вот и явился, чтобы выпытать из меня, где скопцовское золото спрятано!

– А у Ивашки самово што ж об том не обспросил, сучонок? – удивился Аверьян.

– А я почем знаю, – огрызнулась Анна. – Видать, не добился от него ничего, вот за меня и взялся.

Аверьян почесал затылок. Неожиданно пришедшая в голову мысль заставила его побледнеть и со страхом посмотреть на слегка захмелевшую собеседницу.

– Скажи мне, Аннушка, а то пойло, от которова шурык

мой окочурился, ты для кого изготовила?

– Для Ивана Ильича, – уже веселее ухмыльнулась девушка.

– Отравить его собиралась? – побледнел Аверьян.

– Усыпить, чтобы оскопить кобеля старого! – зло рассмеялась Анна.

– И у тебя рука бы поднялась на своего благодетеля?

– Еще как! А ты не майся. Тебе же родственничек твой лавку с товаром и дом этот вот посулил? Вот теперь пользуйся дарами этими и радуйся!

– А с Игнашкой... с шуряком што сделать замыслила? – осторожно, чтобы не вызвать неудовольствие собеседницы, поинтересовался Аверьян.

– Ничего, – ответила она, поднося к губам горлышко бутылки. – Он теперь до утра продрыхнет. А утром меня уже здесь не будет!

– Ты што, али утечь собралась? – очередной раз изумился Аверьян. – А Ивашка как же? Неушто его одново здесь бросишь?

– А на черта он мне теперь сдался! – расхохоталась Анна. – Ежели большевики выпустят из тюрьги, пусть к жене твоей, прохвостке бессовестной, ступает. Эта овца души в нем не чает, а я и без него теперь обойдусь.

Аверьян задумался. Он беседовал с Анной, но как будто не узнавал ее. Наверное, эта девица не так уж и беззащитна, несмотря на свой ангельский облик! И едва ли нуждается в

чьей-то помощи...

– Хорошо, что все закончилось вот так, – сказала Анна. – Случись все по-другому, то... я не поняла бы самого важного – того, что я занимаю в этой жизни не свое, а чье-то место.

– Какое место? – не понял Аверьян.

– Чужое. Я должна была сейчас жить в роскоши и богатстве за границей, а я... я рядом со старым свихнувшимся развратником, возомнившим себя Христом! Ему нужен человек, с которым он смог бы прожить свою старость! А я? Только одна мысль об этом вызывает во мне отвращение. У нас с ним была возможность уехать за границу, а он... Этот стареющий интриган предпочел бродяжничество по обнищавшей России легкой и красивой жизни где-нибудь в Италии! Нищета и кучка свихнувшихся кастратов – вот предел его мечтаний!

– И куды же ты теперь собираешься? – спросил Аверьян. – Мыслишь, где-то лучше теперь, чем у нас здесь али в Тамбове вашем?

– А чего тебя интересует, куда я собираюсь? – пьяно ухмыльнулась Анна. – От всех скрывала, а вот тебе скажу! За границу я теперь одна уеду, чтоб не видеть мне больше ни Ивана Ильича «преподобного», ни России, которую я просто ненавижу!

– Успокойся, ерунду ты молвишь, неразумная, – покачал осуждающе головой Аверьян. – Ты хорошая и добрая дева, а то што...

– А ты что меня ублажаешь?... Да, и вообще зачем я вот сижу перед тобой и как на исповеди душу выворачиваю? А ты почему меня слушаешь?

– Думал, што плохо тебе одной будет, – пожал плечами Аверьян.

Девушка горько улыбнулась.

– А мне одной никогда плохо не бывает. Мне не привыкать коротать время одной. Мы дошли с тобою до перекрестка, где пути расходятся, так что...

– Нет, мы и не шли с тобой по одной дороге, – возразил Аверьян. – Мы шли каждый своей... Наверное, нам нечаво больше обсуждать. Тебе щас поспать малеха надо б, раз в путь-дорожку собираешься.

– Нет, выслушай меня! – воскликнула Анна. – Мне надо выговориться. – Строго посмотрев на него, девушка продолжила: – Сколько я помню Ивана Ильича, он был так энергичен, так умен, так превосходил всех, что я гордилась им и шла за ним как зачарованная. Я жила его мыслями, его чувствами, его желаниями. Как собака... Я уже думала, привычка подчиняться ему у меня в крови, но... все опостылело! Так не может больше продолжаться! Он превратился в ничтожество, а моя любовь и обожание – в тлен...

Анна тяжело задышала. Она запрокинула назад голову, от чего шея, казалось, вот-вот надломится. Ее настроение словно передалось Аверьяну. Он пребывал в затруднении и не мог определить свое отношение к тому, что только услышал.

Поддавшись какому-то внутреннему порыву, Аверьян положил ладонь на голову девушки, провел по ее мягким шелковистым волосам. Анна отстранилась и тихо сказала:

– Уходи.

Аверьян убрал руку.

– Уходи, – повторила она.

Он встал, пожал плечами и направился к выходу.

– Ты хороший человек, Аверьян, – услышал он голос Анны. – Я рада, что мы с тобой расстались именно так, как расстались, а не так, как я замыслила...

* * *

Поспешное отступление бандитов вызвало недоумение у чекистов.

– Они, наверное, скопцов тоже за нас приняли, – предположил один.

– Ага, особенно когда те запели и в пляс пустились, – усмехнулся еще кто-то. – Бандиты всех нас за спятивших приняли, вот и ушли восвояси!

– Как бы то ни было, а все обошлось, – вздохнул с облегчением Маркел. – Беда миновала. Что со скопцами делать, ума не приложу.

– Расстрелять как врагов народа! – выкрикнул молодой Гришка. – Будь сейчас Игнат среди нас, он бы так и приказал, не сомневайтесь!

– Ишь ты, душегуб какой выискался, – возразил боец постарше. – Да ежели бы не они, то и нас бы сейчас в живых не было.

Чекисты загудели, совещаясь, а Маркел задумался.

– Игнат нам приказал сюда скопцов вести и его дожидаться. Напали на нас внезапно, – принялся размышлять он вслух, повернув голову в ту сторону, откуда пришли бандиты. – С чего бы это? Случайность или еще что?

– Намекаешь, что предательство... – бросил раздраженно Гришка.

Но Маркел пропустил едкую фразу мимо ушей и продолжил:

– Можно подумать, что ево бандюки по дороге прихлопнули, – Маркел как ножом рубанул ребром одной ладони по другой. – А я уверен, что жив он и здоров. Почему Игнат нас и всех сектантов за город выпроводил, а сам остался? А остался он потому, что попа скопцов в городе оставил, ему от попа чего-то надо!.. А так как его сейчас нет, думаю, и нам обратно пора. Бандюки обожглись и отступили. А вот ночью, ежели не уйдем, они в самый раз с нами сполна и поквитаются.

Все смолкли, точно по команде. Утихомирились и скопцы. Все вокруг будто сделало передышку. Скопцы засуетились возле раненых, они перевязывали и своих, и чекистов, разрывая рукава рубах.

Маркел взирал на все это внешне спокойно, но на сердце

его было тяжело. Он чувствовал горькую двусмысленность своего положения – роковое перепутье. Голова шла кругом от жалости к скопцам, от ненужных мыслей... Беспощадная война на истребление – это поединок двух вооруженных враждующих сторон! Причем здесь жалкие и безропотные сектанты, которые и так сполна наказаны чудовищным увечьем?

Верующие тем временем готовились к смерти, выстроившись вдоль берега реки. Неподвижные в своем молчании, загадочные, они казались уверенными в том, что после расстрела у них вырастут крылья и вознесут всех в небеса.

Маркел вздохнул и зажмурился. Он вдруг почувствовал, что сам взвалил тяжкий груз на душу. А теперь никак не возьмет в толк, что с ним делать. Сбросить с себя и продолжить путь вместе с людьми или безумным поступком завершить падение?

– Ну? Что делать прикажешь, командир? – крикнул Гришка, глядя на небо.

– Ничего. Возвращаемся обратно, – глухо ответил Маркел. – Скопцов оставляем, а сами уходим.

– Ты что, ополоумел? – заорал возмущенно Гришка. – А для чего мы тогда их сюда притащили? В расход их!

– А ну заткнись, горлопан сопливый! – рявкнул на него Маркел, тоже начиная сердиться.

Он, с видом человека только что принявшего очень важное и ответственное решение, повернулся к ожидавшим в

смирении своей участи скопцам и громко крикнул:

– Чего уши развесили, овцы безропотные? Хватит хоронить себя заранее! Уносите прочь свои задницы, да побыстрее, покуда мы не передумали!

Чекисты зашумели, удивленно переговариваясь. Такого исхода они не ожидали.

– А может, не стоит эдак, командир? – обратился к Маркелу Прохор. – Вдруг приказ на их расстрел все ж имеется? Ты же голову свою подставляешь!

Маркел горько усмехнулся. Он повернулся и крикнул скопцам:

– Всем пути счастливого, черти убогие! И никогда больше сюда не возвращайтесь!

Не глядя на товарищей и боясь осуждающих взглядов, чекист нахлобучил шапку и пошагал в сторону города.

– Эй, начальник! – услышал он окрик из множества голосов и, не оборачиваясь, остановился.

– Мы никогда вас всех не забудем, братцы! – закричали скопцы. – Век за ваши души бессмертные молиться будем, люди добрые!

– Это что, они нас добрыми назвали? – послышался удивленный возглас Гришки.

– А ты как думал, – ответил ему рассудительный глуховатый голос Прохора. – Это ты у нас еще молодой – не знаешь, что больше к добру стремиться надо, а не к смертоубийству кровавому!

Усталый, но довольный собой, Маркел шагал, тяжело прихрамывая. Ему хотелось одиночества, хотелось побыть одному, но спиною он чувствовал, что все бойцы отряда молча и медленно бредут за ним следом.

Будучи не в силах больше блуждать вокруг дома с противоречивыми сомнениями в душе, Аверьян подошел к крыльцу. Дверь оказалась не заперта.

Стеша сидела за столом перед зеркалом и внимательно разглядывала свое отражение. Как только Аверьян переступил порог, она живо обернулась и слегка побледнела от неожиданности.

– Может, я не ко времени? – спросил он срывающимся голосом.

– Заходи, коли пришел, – ответила она без ложного энтузиазма.

Стеша сидела всего в двух шагах от него. Аверьян смотрел на ее спину, на которой знал каждую родинку. От воспоминаний захватило дух. Он подошел к ней и провел ладонью по голове.

– Стеша...

Она обернулась и посмотрела на него. Аверьян тут же понял, что между ними уже не осталось ничего общего. Жена безразлично поджала губы и увела в сторону глаза, явно не желая его видеть.

– Зря ты появился, Аверьян.

– Но-о-о... Мы ешо вроде как повенчаны с тобой и ты мою фамилию носишь?

– И што с тово?

– Да вот хотел поглядеть на тебя и детишек, – сказал он. – Как они?

– С ними все хорошо, – ответила Стеша. – А вот о тебе я уже давно думать перестала. Сызнова у нас ничаво не выйдет, и ты сам, поди, об том прекрасно знаешь.

Пальцы Аверьяна готовы были коснуться плеча жены, но он не решался этого сделать, словно перед ним сидела совершенно чужая женщина.

– Я хочу, чтобы ты ушел, – очень тихо произнесла Стеша, глядя в зеркало.

Голос ее дрожал, в нем слышались слезы. Аверьян ждал, что она вот-вот расплачется, а он обнимет ее как прежде, чтобы утешить. А Стеша сдерживала слезы, зная их воздействие на мужа и твердо решив не давать ему повода.

– Прощу, уходи, – сказала она, вставая и отходя к окну с намеком, что разговор закончен.

Рука Аверьяна повисла в воздухе.

– Мы бутто совсем чужие, Стеша... Но у нас дети! Тяжело ведь одной поднимать их на ноги?

– Да, – сказала она. – Но мы всегда были чужими, а жили по надобности.

– А я по-другому мыслил, – признался Аверьян.

– Я тожа, покуда ты не пропал без вести, – вздохнула Стеша. – Я обрадовалася даже, прости меня, Хосподи. Мыслила жизнь свою постылую сызнова начать, а ты вот он весь.

И под венец нельзя таперя, и ты... Не мужик и не баба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.